

ПРОСТРАНСТВА

ИГОРЬ ПОЛЯКОВ
ПОБЕДИТЕЛЬ КОНКУРСА «ПЕРВАЯ ГЛАВА»

Издательство
РЕГИСТР

Игорь Поляков

Пространства

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9527932
И. Поляков. Пространства: Регистр; Минск; 2014
ISBN 978-985-6937-78-4

Аннотация

Люди и события, города и страны, иллюзии и мечты, ставшие жизнью, и жизнь, превратившаяся в иллюзию, — все это пересекающиеся миры-пространства, которые вовлекают в себя героев повести. И двадцать четыре главы — как двадцать четыре часа их бесконечных суток, которые они должны прожить, пропустить через себя, чтобы принять то, что однажды, в самый обычный день, было даровано им судьбой.

Содержание

Вместо предисловия	5
I. Время	6
II. Снег	8
III. Альбом	9
IV. Она	11
V. Полуночный троллейбус	18
VI. Пространства и Двери	26
VII. Закладка	34
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Игорь Поляков

Пространства

© Поляков И., 2013

© Оформление ИПА «Регистр», 2014

* * *

Моя искренняя благодарность всем, кто так или иначе помогал с выходом этой книги.

Во-первых, Господу моему Иисусу Христу, ибо все от Него, Им и к Нему.

Моим друзьям – Клецевниковой Наталье (Беларусь) и всей ее семье за поддержку и помощь. Эстер К. (США) – все имеет свое начало, спасибо тебе!

Племяннику Андрею – за фотографию часов к титулу.

Саше Платоновой – талантливому фотографу и художнице, дизайнеру, создающей сказку.

Замечательному американскому музыканту и фотографу Крейгу Хансену (My gratitude to the remarkable American musician and photographer Craig Hansen).

Вместо предисловия

Из вводной лекции по геометрии профессора Шестакова Л. А., прочитанной 4 октября 1989 года в аудитории 3–1:

– Геометрия, друзья мои, – это пространство. Одно, два, множество. Одни пересекаются между собой, иные – параллельны. Вокруг нас – пространство, вокруг этого пространства – еще большее пространство. Да мы все живем в одном бесконечном мире-пространстве. А знаете, иногда мне кажется, что, возможно, некто такой же бесконечный и создал его вокруг нас и нас в нем. А значит – и мы с вами тоже можем создавать свои пространства-миры. И мы создаем. Вокруг нас и внутри нас. Великие и малые. Плоские и объемные. Яркие и тусклые. Как сам мир.

В математике есть пределы-бесконечности и есть бесконечность пределов, так и наши с вами миры: у одних они умирают вместе со свои ми творцами, а чьи-то живут и после. В одних идет дождь, а в других светит солнце... Мы постоянно перемещаемся из пространства в пространство. В одном задерживаемся на миг, а в ином остаемся навеки. А может быть, и чье-то остается в нас. Таков наш мир, друзья, таковы наши пространства. Нда... Итак, геометрия...

Посвящается моему отцу – человеку, который создавал вокруг себя и внутри других людей пространства доброты.

I. Время

*И время – то пространство,
что медленно вбирает нас в себя.
И сутки – век для счастья,
где час идет за часом не спеша.*

– Синьор часовщик! Синьор часовщик! – стучал в окно мальчишка, разносчик газет.

Но синьору Мондини не хотелось отрываться от удивительного мира старинных часов, которые он перебирал в этот момент. Сделав вид, что не слышит, часовщик еще ниже склонился над столом, и вскорости мальчишка побежал дальше по лавкам других торговцев Via del Corso¹.

«И зачем мне его газета? Какие хорошие новости могут быть в ней, в февраль-то сорок третьего?! Ох, и дернул же бес Дуче² ввязаться в эту войну...» – думал про себя старый часовщик. Да к тому же газе там он предпочитал радио, а там передавали прогноз погоды: «В Риме дожди, – но это он видел и так, из окна, – а на севере страны, в горах, ожидаются обильные снегопады. Возможны сходы лавин».

Но подняться ему все равно пришлось. В лавчонке становилось прохладно и сыро – нужно было подбросить в камин пару-тройку поленьев. Они были сыры, и пламя, без того жиденькое, готово было вот-вот потухнуть. Старик неохотно наклонился (в этой сырости совсем разболелась спина) и попытался картоном раздуть тлеющие угли. Поленья наконец затрещали. Пламя начало слегка подпрыгивать, и вокруг стало немного теплее. Часовщик, кряхтя, распрямил спину и вернулся к своему излюбленному занятию – починке часов. К этому процессу он с детства относился с каким-то благоговейным трепетом, почти священным, буквально уходя в миры своих, как он считал, живых подопечных, пытаясь разгадать в крошечных механизмах тайны мироздания. Впрочем, он был уверен, что знает о времени все...

До закрытия оставалось четверть часа. Об этом ему вразнобой сообщали бесчисленные часы, разложенные и развешанные по всей лавке. Но сверялся он всегда по большим часам, которые висели над входом. Они достались ему от деда, как, впрочем, и вся эта лавка. Часы были убедительны: всегда верно и спокойно отмеряли грузным маятником точность вечного, как и они сами, времени.

Вдруг звякнул дверной колокольчик, скрипнули петли двери и в лавку вошел человек. Старик узнал его. Последние дни этот высокий импозантный синьор в шляпе, с тросточкой в левой руке и пенсне на носу частенько захаживал в мастерскую. Ничего не спрашивал, только лишь рассматривал новые серебряные часы, которые месяц назад привез давнишний приятель торговца. У того был часовой заводик, и время от времени он завозил Мондини какую-нибудь новинку. Приятель слыл большим оригиналом и всегда изобретал причудливые модели. Впрочем, синьор Мондини радовался любым часам. А эти, которые уже целую неделю рассматривал высокий синьор, были вполне забавны. Точнее, их циферблат: по окружности вместо привычных римских цифр от «I» до «XII» метки доходили до «XXIV». Более того, часы были еще и изящны! Резной, с замысловатыми узорами, серебряный блестящий корпус, плавно открывающаяся крышечка и длинная фигурная цепочка, тоже из серебра. Старик всего раз открывал их. В них было что-то таинственное, чуть ли не

¹ Известная торговая улица в Риме. (Здесь и далее – прим. автора).

² Муссолини.

мистическое, как ему казалось. «А может, они просто созданы для мирной жизни?.. Может быть».

Но вдруг молчаливый посетитель задал вопрос:

– Простите, синьор...

– ...синьор Мондини, – нехотя ответил старик, в последнее время он не был расположен к новым знакомствам.

– Синьор Мондини, сколько стоят ваши часы? – и он приподнял их, открыв крышечку.

Часовщик весьма удивился: наверное, уже год никто ничего у него не покупал. Так, заносили иногда на починку, чем он и жил, но чтобы купить... Старик не знал, что и ответить. Но господин не стал ждать ответа, достал из внутреннего кармана пальто бумажник и отсчитал несколько больших купюр. Мондини с острым взглядом часовщика быстро сообразил, что этой суммы ему с лихвой хватит, чтобы прожить до лета. Но он постарался не удивляться, только произнес:

– Они не заведены, синьор.

– Я вижу, стрелки едва сдвинуты к часу.

– Они новые, я их еще не заводил. Сейчас ровно без трех двадцать, – взглянул он на часы деда, – подведите их.

Но синьор в пенсне внимательно посмотрел на свою покупку и ответил:

– Зачем, синьор Мондини? У всяких часов есть свое начало, есть оно и у этих. Пусть будет, как будет, – он закрыл крышечку, подкрутил механизм, положил заведенные часы вместе с бумажником во внутренний карман пальто, взял тросточку и попрощался:

– Всего вам доброго, синьор Мондини. Спасибо за часы, – и тут же вышел.

Старый часовщик вяло махнул рукой в ответ и ничему не удивился. Он был уверен, что знает о времени все...

II. Снег

Где-то падал снег... Хлопьями.

III. Альбом

Почти полдень, небо высокое и ясное, видны даже звезды. Я уже час стою на Ponte Vecchio³ и наблюдаю, как вся эта ясность отражается в реке. А еще я смотрю, как Арно⁴ уносит на себе старые редкие листья. Мои мысли уносятся так же: медленно и бессмысленно. Позади суетливо и шумно: готовящиеся к празднику итальянцы передвигаются почти бегом. Конец декабря, скоро Рождество. Кстати, не забыть напомнить себе: у меня сегодня день рождения. Впрочем, неважно. Светит солнце, как осенью, только зябко. «А где-то сейчас падает снег... хлопьями», – отчего-то приходит на ум. Я кутаюсь в плащ. Надо бы заглянуть к старику Франческо, погреться.

Синьор Франческо – владелец небольшого ресторанчика неподалеку. Это старое кафе не указано ни в одном каталоге, и посему там почти никогда никого не бывает, для итальянцев оно почти как дом. У входа – его младшая дочь Лючия. Она подметает крыльцо.

– Ciao⁵, Andreo! – они всегда приветливы и улыбкивы.

– Ciao, Lucia! – я очень люблю их.

Выбегает и младшая внучка. Малышка приветствует меня так же эмоционально. Я подхватываю ее на руки и даю леденец. Мы входим внутрь. В кафе тепло, пахнет утренней снедью и горячим кофе. Девочка бежит к деду и сообщает обо мне.

За столиком я быстро пробегаю глазами заметку о результатах футбольной игры: кто-то забыл утреннюю газету. Средняя дочь, Кьяра, приносит дымящиеся спагетти, тонко нарезанный пармезан, стаканчик белого тосканского и горячий капучино. Три года в моем здешнем образе жизни ничего не меняется. Впрочем, изменилось почти все! Имя, язык, даже акцент. И если бы не А.С., я бы постарался забыть и русский.

Теперь я согрелся. Через пару минут подходит и сам хозяин кафе.

– Ciao, figliolo⁶! – синьор Франческо расплывается в улыбке и по-отечески хлопает меня по спине и плечу.

– Ciao, don Francesco! – ему нравится такое обращение. И он садится рядом. Синьор Франческо достаточно грузен, и поэтому делает это не спеша, я бы даже сказал – величественно. Я улыбаюсь ему в ответ и говорю еще один комплимент:

– Очень вкусные спагетти, прекрасный соус! – старик до волен.

– Новый рецепт, сынок! – с гордостью отвечает он.

– Очень вкусно! – мне, правда, вкусно, а пара глотков тосканского приводит мои мысли в порядок.

– Здорово вы вчера повеселились, Андрео! Все кафе ходуном ходило! Ай, молодцы! – синьор смеется. Тут он прав: вчера мы весело отметили премьеру!

– Надеюсь, дон Франческо, мы вам ничего не поломали?

– Что ты, Андрео! Твои студенты просто замечательные ребята! Но столько Chianti⁷ у меня не лилось рекой уж давненько!

– Да, Chianti у вас просто бесподобное! Не то что в каких-то там супермаркетах, – мне очень хочется говорить ему приятное.

– О чем ты, сынок! Какие супермаркеты! Ты же знаешь, Пьетро привозит мне бутылки со своих же виноградников. А у него что ни год – то урожай!

³ Старый мост (*итал.*) – один из флорентийских мостов через реку Арно.

⁴ Арно – река, протекающая через Флоренцию.

⁵ Ciao («чао» *итал.*) – традиционное итальянское приветствие.

⁶ Figliolo («фильуло» *итал.*) – сынок.

⁷ Chianti (кьянти) – сорт красного итальянского вина.

– Да, конечно, я знаю.

Тут дон Франческо резко достает из-за спины какую-то увесистую пластиковую сумку. Я сразу узнал ее. Старик протянул мне пакет, его лицо выражало неловкость.

– Ты извини, сынок, но-о... – он все делал не спеша, в том числе и говорил, – ты так увлекся вчера...

«Да уж, увлекся – это мягко сказано», – я опять вспомнил вчерашнее и сделал еще плоток вина, но он продолжал:

– ...и забыл его. Лючия нашла пакет под столом, – он замялся. – Ты еще раз извини, но это все женщины... – он обернулся к бару и крикнул дочери:

– Лючия! Быстренько два капучино! – он снова улыбнулся мне. – Альбом нечаянно выпал... и... ох уж эти женщины! В общем, мы немножко полистали его, bambino⁸! Там очень красивые фотографии!

Я уже достал альбом из сумки и листал его. Там была вся моя семья, друзья, старинные и не очень, учеба: школа и университет, что-то и кто-то из новой жизни. Я совсем забыл о нем, но вчера, когда искал в шкафу туфли, наткнулся на этот самый пакет. Как же я обрадовался! Но времени хотя бы полистать его у меня не было, и я захватил альбом с собой на премьеру, а потом он оказался в кафе у синьора Франческо. Тот уже пересел поближе и вместе со мной рассматривал тех, кого я уже три года как потерял. Я коротко рассказывал синьору Франческо о них, о тех, кто был на старых, еще черно-белых, фотографиях, о событиях вокруг. И тут мы наткнулись на фото, сделанное в конце июня девяносто четвертого. Это был наш выпускной вечер в университете. Сердце екнуло и застыло. Я не знал, что рассказать о той, которая была на этой фотографии. Коротко не скажешь, но, честно говоря, после вкусного горячего завтрака и стаканчика тосканского я был не прочь поговорить. Старик уловил перемену во мне, но молчал: он не хотел меня торопить. Я знал его уже не один год: всегда эмоциональный и энергичный, но в то же время степенный, мудрый, тактичный и очень добрый. И всегда-то у него отыщется нужное слово! Он поставил передо мной еще чашечку своего фирменного капучино, потрепал по плечу и сказал:

– Не волнуйся, Андрео. У нас весь день впереди.

Я задумался ненадолго, с чего начать свой рассказ: важно было все. Но что было самым важным в то время? На секунду я остановил свои мысли... Самым важным все же всегда была только она, ее мир. Я еще раз взглянул на фотографию и начал:

– Это был май. Конец мая...

⁸ Bambino (*итал. разговорный*) – малыш.

IV. Она

Моросит дождь. Капли на лице как слезы. Тепло. Я бегу через сквер. Дышится легко. Деревья уже зеленые, цветет сирень. Голова кружится. Нужно успеть к третьей паре. Она наверняка еще в общежитии. Я не видел ее месяц. «Прости! Три месяца без тебя – три месяца без жизни», – правильные слова тщательно подобраны. И... не память цветов, я приложил руку к груди – на месте. Все. Вот оно, общежитие. Третий этаж, большое окно приоткрыто, белый тюль, горит свет. Она дома.

Старое общежитие на Луговой мало чем походило на место для романтических встреч. Довоенное трехэтажное зданье: бледно-желтые стены с облупившейся штукатуркой, раздолбанные ступеньки у входа, серая дверь на тугой пружине и вечный дед-полит рук на вахте. Но ее комната – это всегда отдельная вселенная в сонных мирах пустых серо-зеленых коридоров с запахом нескончаемого ремонта, сырости и обреченной зябкости. И стоило только приоткрыть дверь в эту вселенную, как золотистый свет из-под оранжевого абажура увлекал в беззаботный и разговорчивый уют. Здесь все в своей гармонии: запах дома, аромат чая для гостей, свежесть воздуха и нежность духов. Музыка, настраивающая на нужное настроение, доносится из поскрипывающего кассетника. Летние этюды в резных рамках на фоне розоватых обоев с нелепыми цветами. Бабушкины коврики скрывают следы предшествовавших обитателей комнаты. Самодельные полки, на которых старые и новые книжки выстроены в ряд не по росту, но по смыслу. Стол с красным инвентарным номером на ножке и вязаной цветастой скатертью сверху. На столе ручки, карандаши и конспекты пытаются спорить о своем превосходстве с фарфоровыми чашками на синих блюдах. В огромном окне приоткрыта створка, и бледная занавесь танцует блюз с уличным ветром. Рядом кровать как трон, на котором – она. Свет из-под оранжевого абажура рисует ее силуэт, примятая подушка как холст. Она читает и улыбается о чем-то своем. Плюшевый пес с живыми глазами и красным языком улыбается у нее на коленях. Шотландский плед небрежно кутает ноги. Ей хорошо. В левой руке у нее яблоко, а правая придерживает страницу. Прядь волос прикрывает один глаз, но я вижу его небесную бирюзу. Вот она отрывает взгляд от книги. Теперь она улыбается мне и мир из гармоничного становится небесным, потому что я вижу ее глаза, лучистые, улыбающиеся. Это – ее мир, это она.

– Привет, – говорю я ей.

– Привет, – улыбается она.

Она откладывает книжку в сторону, плед падает на пол, пес послушно спрыгивает с колен. Я расстегиваю куртку и достаю теплый, чуть примятый ландыш. Она обувает свои яркие тапочки и сдувает прядь с глаз. Как ребенок. Я улыбаюсь, делаю шаг вперед и протягиваю цветок.

– Прости, – тихо говорю я, и ландыш оживает в ее ладони.

– Прощаю, – улыбаются ее глаза.

Она обнимает меня. Мы молчим. Дождь, замирая, роняет на подоконник редкие капли, я тихонько прижимаю ее голову к себе и вдыхаю тепло и яблонево-аромат волос. Мне спокойно. Ей тоже. Я знаю. Где-то внутри нее звучит музыка, я слышу ее – это наша музыка. Мы танцуем. Как всегда. Все позади. Я больше не оставлю ее. Мы вместе. Как тогда, у Геннадия на даче...

Девяностый год. Дача. У Геннадия – день рождения. Настроения ехать у меня не было. Совсем. На днях заканчивались каникулы – наши первые каникулы в университете. После выходных снова учеба: компьютеры, математика, программирование. Позавчера вернулся из армии друг, сколько было выпито портвейна, не помню. Вчера – серьезный разговор с

родителями по поводу все той же учебы, а сегодня у Генки день рождения. Он пригласил почти всю нашу новую компанию к себе на дачу. Ох, ну и дача у них! Замок! Геннадий взялся сам собирать всех нас по городу на отцовской машине. В общем, можно сказать, что внешне Генка был самый что ни на есть мажор, к чему обязывало обкомовское настоящее его отца, но, по сути, какой-то он был совсем не мажористый. Ходил, как охламон, в потертых джинсах и таких же кроссах. Завязывал длинные волосы в косичку. Курил «Приму», слушал старый британский рок и пытался рисовать абстракцию. Хотя, пожалуй, он все же был мажором, потому что у него, наверное, у первого в конце восьмидесятых появился японский плеер.

Странный тогда был февраль, теплый до невероятности, почти без снега. Забрал меня Генка из дому. Ну никакого настроения! Сунул в руки огромную сумку с мясом, «шампунем» и вином. Рядом усадил свою болтливую сестру-малолетку. Поехали, в маши не греет печка, играет музыка. Предстоящая дорога обнадеживает заслуженной дремой, но тут мы сворачиваем с проспекта и подъезжаем к общежитию на Луговой.

– Генка, кого ты тут забыл? Мы ж должны сейчас Танюшку и Игореху на проспекте забрать, – спрашиваю я.

А сестренка его возьми да ляпни:

– А у Геночки тут любовь живет с подружкой! Ты не знаешь, Андрюшечка, а я вот сегодня слышала, как Генусик наш по телефону...

– Заткнись, дурочка, щас высажу и на тралике домой по едешь! – перебил ее Генка.

Впереди сидел Димон, наш дорогой Димон, душа компании, гитарист и авантюрист по жизни. Жаль, что его не будет на выпуске. После первой сессии он со спокойной душой отхватил пару по истории КПСС и еще с более спокойной душой собрался отчалить в Израиль. Но в тот момент он проснулся и выдал свое очередное великое изречение:

– Деточка, когда вы слышите нечто, спросите у собственных ушек: «А полезно ли для вас, ушеньки, слышать то, что вы слышите?» Поверьте, вам станет легче жить... – после этого Димон прижался к грифу своей гитары и так же тихо впал в дрему, как и вышел из нее полминуты назад.

– Генка, правда что ли? Какая еще любовь-морковь? Там же ребята ждут!

Я и понятия не имел, кто там вдруг у него появился, еще три дня назад на дискотеке он был совершенно свободен. Более того, эта идея с новым пассажиром была мне совсем не по нраву, по тому как с его младшенькой и сумкой мы занимали две трети всего заднего пространства «Волги».

Но тут дверь общежития громко хлопнула, даже Димон проснулся окончательно:

– Худшее позади, – молвил он. «Колхоз», – подумал я.

Из него выбежали две общаговские принцессы. На первый взгляд их различали только шапки, да и те по цвету – «сиреневенькаявая и красненькаявая», как выразился наш друг-философ.

– Энди, ты – весь вопрос, – не поворачиваясь, обратился ко мне Димон.

– Ну, и какая твоя, Ген? – спросил я. Настроение мое совсем уж покатило вниз. Сейчас обе эти районные красавицы заполнят своими куртчищами все оставшееся пространство и мне точно придется посадить на колени малолетнюю Жанку.

– Красная шапочка... так вот, Красная шапочка – не его, – по-димоновски изрек Димон. «Не все так страшно», – подумалось мне.

Генка открыл окно и крикнул:

– Девчонки, давайте назад! – худшее, однако, подтвердилось. В общем, настроение мое в тот момент...

Рядом со мной открылась дверца и волной меня сдвинули на самый центр сиденья, именно туда, где удобно меньше всего. Звякнули бутылки. Справа меня прямо-таки задавила та самая Красная шапочка, которая не Генкина.

– Простите, сэр, я не помешала вам?

«Мы еще и шутим? Однако», – отметил я про себя, а вслух добавил:

– Нет, леди, вы принесли мне счастье, – я даже не попробовал улыбнуться.

Сиреневая шапочка рассказывала о каком-то модном бразильском сериале. Геннадий блаженно улыбался и ехидно посматривал на меня в зеркало заднего вида. Димон время от времени вставлял свои философские изречения, чем приводил в восторг Сиреневую шапочку. Красная же шапочка почему-то молчала и смотрела в окно. А я заслушался магнитофоном: Иглесиас пел о какой-то загадочной Натали. Мне стало окончательно тошно. Мысли уходили ли к будущим шашлыкам, которые покоились у меня на коленях в виде только что купленной на базаре вырезки. Короче, я закрыл глаза и загрустил вместе с Иглесиасом о далекой и неведомой Натали. Мысли крутились одна за другой: «Почему все так несправедливо устроено? Когда ты хочешь веселиться и гулять, идет дождь, снег, град, да все, что угодно, но только не солнце. А когда тепло, зиме конец, солнце, друзья рядом – все так противно и нескладно. Все кувыркотом и никто тебя не понимает. Ну почему я не пошел с парнями на озеро продолжать «встречать Славика»? Нет. Уж лучше я вылезу прямо сейчас, пока еще не выехали за город. И зачем еще Генка их взял – этих дурацких «шапок»?!» – но попросить остановить машину у меня не было возможности: Жанка больно вдавила свой острый локоть мне в бок, шарф вдруг неудобно перетянул горло, а та, которая Сиреневенькая, громко захотала. Я умер.

Но тут Красная шапочка тихо дернула меня за руку и прошептала почти на ухо:

– Сэр, не позволите ли взять часть вашей ноши на себя?

– Нет, леди, э-э-э...

– Натали, сэр, леди Натали, – добавила Красная шапочка.

«А не все так далеко, – подумал я, посочувствовав Иглесиасу. – Знал бы брат Хулио, что Натали живет в первой общежитии на Луговой... Что бы было с беднягой в его Париже...» – а сам ответил:

– Сэр Эндрю, леди... э-э-э... леди Натали...

– Что? – что-то недопоняла леди.

– Сэр Эндрю, говорю. Так вот сэры, леди, привыкли переносить все тяжести на себе.

Натали тихо рассмеялась, и в эту секунду паразит Генка резко затормозил перед воротами своей, мягко говоря, дачи. Меня бросило вперед и окончательно задавило сумкой. Я только и смог, что сдавленно выдавить из своего прижатого живота:

– Спасибо тебе, Геннадий.

Все засмеялись и выскочили из машины. А я остался. С сумкой на коленях, в животе, под ребрами, казалось, она была везде. Впереди, за стеклом машины, я видел ребят: все уже были в сборе, но никто не обращал на меня внимания. В маленьком зеркале заднего вида в пустой машине виднелась моя глубоко печальная физиономия. «Все-таки я прав: мир жутко несправедлив. Почему он никогда не считается с нами? Со мной? Вон они, мои люди, за стеклом. Но вот только почему я не с ними? Как будто все стали чужими. Почему когда ты находишь, то сразу теряешь? Почему Димон, мой Димон, с которым была выпита первая кружка самогона на картошке, с которым по ночам горланили песни под гитару, вдруг уезжает из моей жизни? Почему, когда мы собираемся в свой круг, в него должны вторгаться чужие, непонятные и чуждые существа? Генка, ну скажи мне, почему мы берем неизвестно кого и неизвестно в чем с собой? Почему ты подставил меня с этим дурацким задним сиденьем? Ради кого? И вообще, почему в этом мире так много нелепых шапок и курток? Красные и сиреневые... Как будто на свете нет других цветов и нет других шапок. Ну, почему они, бесцветные и бесформенные, всегда вторгаются в нашу жизнь? Вертелись бы на своих орбитах, чуждые создания Вселенной. Как же хочется больше яркости, жизни и праздника. Да ну вас всех! Щас вылезу и «разорву» этот ваш мирок. Больше жизни, Энди! Плевать на

шапки!» – но не успел я довозмущаться, как кто-то потянул за сумку, все еще больно мешавшую мне дышать. Я повернул голову, чтобы увидеть наглеца и высказать, наконец, все, что думаю и о нем, и вообще об их вечеринке и...

– Ну что, сэр Эндрю, совсем приуныли, да? Раны боевых походов беспокоят начинающего рыцаря?

«Только этого еще не хватало, ну что тебе нужно? Чего ты хватаешь сумку?»

– Хочу помочь, – вырвалось у нее.

– Меч в груди застрял, леди... – ответил я на вопрос, но леди отчего-то засмеялась, все-таки потянула за сумку и окончательно избавила мой живот, колени и грудь от этой невыносимой ноши. По правде говоря, мне стало легче, и я добавил:

– Ах, леди, ну зачем же вы обнажили мою рану?

– Чтобы залечить ее, сэр, – как-то серьезно ответила местная мечта брата Хулио.

А может, мне просто показалось, что она ответила серьезно, и я взглянул на нее. Она уже была без этой нелепой красной шапочки и без шарфа. Да и она ли это была... Синий просторный свитер с широким вырезом обнажал тонкие ключицы, красивую шею с изящной золотой цепочкой и маленьким янтарным кулончиком. Длинные ухоженные светлые волосы чуть-чуть прикрывали лицо, а в ушах золотые сережки-ниточки отражали солнце. А еще была улыбка, от которой почему-то сразу стало тепло. И, конечно, глаза... Улыбающиеся глаза бирюзового цвета. Я даже не знал, что и ответить, но она продолжала:

– У меня есть отличное средство для вас, – я уже потихоньку выбрался из машины.

– Какое же?... – но не успел я сказать что-то еще, как услышал крик из окна:

– Андрюха, ну чего ты там застыл? Тащи сюда мясо! – это был зов именинника.

Я словно очнулся, подхватил сумку, невпопад пожал руку мисс и сказал:

– Извините, леди, труба зовет, – она улыбнулась в ответ, что-то будто искрилось в ее глазах. «Нет, тут что-то не так», – подумал я и побежал в дом.

На крыльце меня ждал что-то жующий Геннадий:

– Давай сюда, тормоз! Что ты там завис? – он выхватил у меня сумку и крикнул маме: – Ма, уже несем!

– Геныч, так все-таки, кто они такие?

– Шашлыки! – сострил он, и я с силой пихнул его в бок, мне все еще хотелось отомстить за эту дорогу. – Да ладно тебе, Андрюха! – он похлопал меня по спине. – А че, скажи, Наташка-то – ниче, да? – и он, рассмеявшись, подмигнул мне.

– Дурак ты, Геннадий! – пока мне не хотелось шутить.

– Да наши они, факультетские, – мы вошли в кухню, Генка подхватил кусок колбасы и закинул в рот, – только с педа, – продолжил он, жуя сервелат. – Я с Вероничкой вчера познакомился, вечером. Она, бедняжка, в библиотеке припозднилась, а я как раз туда зашел, чтоб книжки с прошлого семестра сдать.

– Ну и ты, конечно, ее успокоил?

– Ага! – ответил мой друг-мажор и потянулся за вторым кусочком. – И даже до дома проводил. И даже полку у них в комнате прибил.

– И чаю попил... – добавил я.

– И чаю попил.

– И печенья поел...

– И печенья поел. И сказки им на ночь рассказал, – друг мой был явно доволен собой.

– Кому это – им?

– Да Вероничке и Наташке. Они ж вдвоем в комнате живут, – тут он пристально посмотрел на меня и предложил: – Кстати, старина, а ты бы не терялся, подкатил бы к Наташке, а?! Классная девчонка, веселая – атас!

Мне даже стало немножко смешно, и я ответил:

– Спасибо тебе, старина! Ты – настоящий друг. Но у меня немного другие планы.

– Да знаю я, какие у тебя планы, – он подмигнул мне. – Ладно, победы тебе! Иди, развлекай народ, – Гена взял сумку и стал выкладывать из нее содержимое.

Он знал, о какой победе говорил. Конечно, это была Ника Севастьянова. Что скажешь – богиня курса. Да нет, факультета! Вожденная мечта всей мужской половины курса. Сегодня или никогда. После первой бутылки начну.

Настроение стало возвращаться. Оглянулся вокруг: солнце было уже низко, кроны деревьев и окна соседних домов отсвечивали багрянцем, воздух был по-весеннему теплым: вот-вот по явятся почки, где-то пела лесная птица. Я поглубже вдохнул совсем уже не морозный воздух, сердце забилося ровно, стало спокойнее, и уже было ясно, что вечер, пожалуй, может получиться. Позади дома слышались разговоры, брэнчание гитары и смех ребят: Димон рассказывал последние байки под гитару, и я бросился к ним. Димка сидел на заваulinke, что-то наигрывал на гитаре и одно временно рассказывал свою историю. Все внимательно слушали его и смеялись. Кто-то просто стоял и слушал, кто-то присел на корточки, а некоторые наливали чай из большого самовара. Кстати, здесь я увидел и наших «шапочек». И весьма оценил «сиреневенькавую», Генкину, как и все его вечерние старания. Она тоже была без шапки, да и зачем она ей, если у нее такие густые длинные локоны. К счастью, куртка тоже была не на ней, зато на ней была невозможная для того времени джинсовая мини-юбка, из которой тянулись весьма даже макси-ноги в модных сапожках, а белобелый узкий свитерок только подчеркивал все достоинства выбора моего друга. В руке у нее была кружка с чаем, который выплескивался от ее заливистого смеха. Рядом стояла и «красненькавая». Она была немножко пониже ростом. Но все же в леди было что-то особенное. Неуловимое или загадочное... Нет. Гармоничное! Да. Именно так! От того, как она держала кружку, обеими ладошками, красивыми, как у музыканта, неспешно подносила ее ко рту, незаметным движением губ сдувала белый пар и делала едва уловимый глоток. Ее волнистые волосы спадали на приоткрытые ключицы. В янтарном кулончике вместе с ниточками-сережками отражались лучи заходящего солнца. Гармоничны ми были и синий просторный свитер, который небрежно свисал ниже бедер, и со всем не советские «джинсы-стрейч» под тон свитера, и такие же кроссовки, а главное – ее глаза, негромкий смех и... Вдруг кто-то тронул меня за плечо. Я обернулся.

– Хай, Энди! – передо мной улыбалась красавица Ника. В эту же секунду я забыл обо всех на свете. Вот это удача!

– Привет, Ника. Отлично выглядишь! – оценил я девушку, которая заслуживала оценки «сногшибательно». Оказывается, юбки, как у «Мисс Кирьевск-89», чем мне позже похвалился довольный собой Генка, уже вовсю входили в моду, но главное – какие ноги ходили в этих юбках! А это были ноги Мисс-Университет-Этого-Года Ники Севастьяновой.

– Спасибо, Энди, – она улыбнулась мне улыбкой американской мечты. – Что-то ты грустный?

– Как можно радоваться, когда солнце взошло только сейчас? – Ника оценила мой подхалимажный экспромт и, улыбнувшись еще ярче, спросила:

– Надеюсь, теперь тебе стало светло? – ей явно понравилась моя игра. Что ж, рыбка клюнула – вечер все-таки задался! И это моя награда. Я взял Нику под руку, и мы пошли в дом, по дороге обсуждая последний университетский вечер, где она дебютировала как певица.

Вскоре родители Геннадия уехали на служебной машине отца. Мясо было замочено. Стол накрыт. Это был просто волшебный стол! Начало девяностого года, а на столе – бутерброды с красной икрой, сервелат, колбаса «Московская» и еще многое другое, то, что в последние годы я не всегда ел даже по праздникам. Вот он – победивший социализм в отдельно взятой... семье. Но особых идеологических противоречий у меня не возникло, а

желудок вообще как-то по-рабски сдался, так и не выказав к этой партийной роскоши никаких диссидентских взглядов.

За столом мы с Никой продолжили пустой треп, ей было даже смешно. Я уже и забыл и про леди Натали, и про Генкину «Мисс Киряевск-89», да и не заметны они были в этой чужой для них компании. Все застолье мы с Димомом соревновались в тостах. Через пару часов все тосты были сказаны, шампанское допито, портвейн давно начат. Пришло время танцев. Но сил и желания танцевать у меня не осталось, так что Ника была все же проиграна мною королю рок-н-ролла Димону. От шампанского, вина и близости камина голова шла кругом, и, наплевав на всех богинь мира, я бухнулся на скрипучий диван. Мисс-Город-Будущего-Года и Димон блистали. Мне было приятно на них смотреть. «Хорошо, что не облажался», – от этой мысли мне совсем расхотелось танцевать, я стянул со стола чей-то недопитый фужер с портвешком и опустошил его. Стало противно, я закрыл глаза и задумался о чем-то вечном, наверное, просто ни о чем. Все уже совсем развеселились. Каминный жар распарил меня, и я решил выйти на улицу.

Дверь – граница. Делаю шаг в новый мир. Боже, как хорошо! Февральский вечер был скорее похож на ранне-апрельский. Бесконечное ночное небо, далекие звезды, а воздух за городом необычайно свеж. Я глубоко, очень глубоко вздохнул, сразу же стало легче. Новый мир показался весьма привлекательным, по крайней мере, не душным. Я постоял так минут пять. Очень не хотелось возвращаться в тот, старый мир, но я подумал: «Нет, старина Энди, ты еще должен показать, чего стоишь. Веселее, дружище!» Я повернулся, рванул дверь на себя и...

С той стороны, где шумела музыка, воздух был жарок, словно из параллельного мира, на меня свалилась... Красная шапочка. «Ой, а я совсем забыл про мечту Иглесиаса...» Она, наверное, испугалась, потому как на мгновение прижалась ко мне, точно существо, шагнувшее в неизвестность, в иное измерение. Существо не понимало, что происходит вокруг, но вдруг ощутило какое-то родное и знакомое тепло, за которое можно ухватиться и быть в безопасности всю оставшуюся жизнь в новом и пока чуждом мире. Дверь захлопнулась. Стало тихо. Где-то продолжала петь лесная птица. Я почувствовал неловкость, но мне не хотелось отпускать Красную шапочку даже на мгновение. Теперь и я окончательно оказался в новом мире; и мне так же, как и этому существу, захотелось удержаться, зацепиться в окружении ночной бесконечности за свое, родное, то, что невозможно объяснить словами, но можно ощутить всем сердцем, спасительное тепло. Мы простояли эти мгновения, которые решали участь Вселенной, невольно прижавшись друг к другу. Наташа подняла на меня глаза и тихо рассмеялась. Мне тоже стало смешно, весь бесконечный стресс этого дня улетучился, и я неожиданно для себя предложил: «Пойдем потанцуем».

В доме громко надрывался Пресли. Но тут закончилась сторона кассеты и музыка оборвалась. Стало очень тихо, кто-то переставлял кассету. Несколько секунд мы так и стояли молча. Моя леди Натали (а чего это, собственно, она моя?) стояла, уткнувшись носом в плечо. «Опьянела», – подумал я, но... заиграла музыка. Что-то медленное. Я не смотрел вокруг, мы просто начали танцевать. Вдруг леди Натали заговорила. Она о чем-то долго рассказывала. Я слушал. И молчал. И не понимал, что происходит. Мне показалось, что танцевали только она и я. Света не было, только каминное пламя поблескивало оранжевым светом по стенам, оставляя на них расплывчатые тени. Не знаю, сколько времени это длилось. Мне потом сказали, что мы продолжали танцевать, когда закончилась кассета и все вышли на улицу за шашлыками. Может быть, мы слышали одну и ту же мелодию где-то внутри нас?

Потом мы пошли гулять по поселку. Дошли до речки. Удивительно, но уже в начале февраля лед на ней тронулся и теперь тихо плыл по реке. Не было даже ветерка. Но свитер леди Натали не был таким уж теплым, я заметил, что ей зябко, стащил с себя свой и напялил на нее. Было забавно, она засмеялась и состроила смешную рожицу. Я даже и не помню, о

чем мы говорили тогда. Я наверняка рассказывал о своих глупых мечтах, глядя ей прямо в глаза. Она слушала меня и улыбалась – глазами, всем лицом. И мне захотелось обнять ее и прижать к себе так сильно, чтобы стать с ней одним целым и остаться на этом месте навсегда. Но я даже не поцеловал ее в тот вечер. Странно – мне было просто хорошо. Ни счастливо, ни громко, вообще кричать не хотелось, а просто было хорошо в ту ночь у ожившей после зимы реки...

...Меланхолический дождь, как старый уставший тапер, по-прежнему играл на подоконнике свой блюз. Пожилой клен за окном подыгрывал ему, шелестя молодыми листьями, и прозрачная занавесь продолжала неспешный танец с уличным ветром. Третья пара уже давно прошла. Впрочем, с ней прошли и все наши пары. Завтра начинается подготовка к экзаменам. А через месяц – выпускной. Она будет в шитом на заказ платье с воздушными цветами весны – я увидел его на ней пару часов назад. А сейчас мы говорим обо всем подряд. Она шепчет мне на ухо что-то веселое и пустое. Смеется. Нам тепло вдвоем и спокойно. Вероника уехала на неделю домой – а значит, мы можем никуда не спешить и наслаждаться только тем, что опять вместе.

V. Полуночный троллейбус

В кафе заходили завсегдатаи. Кто-то из знакомых подходил ко мне похлопать по плечу и поприветствовать «amicone⁹ Andreо», я улыбался им в ответ. Старик подлил мне еще немного вина и подо двинул чашку с душистым капучино. Мы оба смотрели на фотографию, с которой и начался разговор. Я отпивал маленькими глотками то вино, то кофе, смотрел на фото и пытался сообразить, не забыл ли я отметить какую-нибудь важную деталь. Дон Франческо наслаждался любимым свежавыжатым соком и с улыбкой не то отца, не то деда о чем-то рассуждал сам с собой, поглаживая пальцами первое цветное фото из моего альбома.

Наташка весело улыбается в объектив, а я смеюсь, обнимаю ее, а там, на заднем фоне, Леша-музыкант играет блюз на саксе. Смешно и нежно: мы счастливы, пьяны, мы – герои. Этот мир, наконец-то, наш.

– Какие у нее красивые глаза, Андрео, – синьор Франческо с улыбкой смотрит на это самое фото, я молча соглашаюсь с ним. – Что я говорю? Да она просто красавица! А ты, bambino, еще совсем юный, и глаза такие веселые, не то что нынче, – пожалуй, он прав, я опять соглашаюсь и делаю глоток остывающего напитка.

– Жаль, что во Флоренции нет троллейбусов, синьор Франческо.

– Почему, сынок?

– Это очень красиво, padre¹⁰. Особенно, когда едешь ночью: троллейбус пуст, город тоже, а за окном идет дождь...

Почти полночь. Старенький троллейбус, шумно кряхтя и завывая, мчитя от остановки к остановке. Он пуст. На улице декабрь, мокро. Началась привычная для наших мест зимняя оттепель: после первых морозов шел дождь. Капли ползут вниз по стеклу, закрывая собой неприглядные и промозглые виды пустынного зимнего города. Я всегда любил ездить по нему ночью в троллейбусе, но обычно мне приходилось возвращаться домой. Сейчас я ехал из дома.

Полчаса назад позвонила Наталья и сказала, что забыла передать маме испеченный ею торт и какие-то салаты. Завтра – мой день рождения, у нас дома собиралась вся моя родня и друзья. Но к чему такая спешка? Почему нельзя все отвезти завтра? Кто же поймет этих женщин! Я набросил на себя плащ и с большой неохотой вылез в дождливую полночь. До общежития ехать четыре остановки, я сидел у самого окна и наслаждался мозаикой капель, которые сонно ползли по толстому стеклу и преломляли в себе яркие огни рекламы. Но это была лишь прелюдия к настоящей симфонии. На второй остановке в троллейбус зашли два лохматых парня в кожаных куртках. Один играл на дудочке, а другой на гитаре. Это был очень знакомый и симпатичный джаз. На третьей остановке – две «цветастые» девушки-хиппи, которые в такт первым музыкантам отбивали бубнами звучный ритм. Ситуация становилась такой же сюрреалистичной, как и цветные картины за каплями дождя. Я улыбнулся. Мне даже подумалось, что это сон, очень милый сон в честь дня рождения. Мы подъехали к общежитию, я встал и направился к дверям, ночные музыканты следовали за мной. Это просто какое-то сумасшествие! Двери открылись – и музыка, которая следовала за мной по пятам, вдруг слилась в единый оркестр из саксофона, трубы и барабанов. Толпа народа стояла на остановке с транспарантом. Заиграл марш, и все вокруг запели: «К нам приехал, к нам приехал Андрей Михалыч дорогой!» Потом овации, потом опять веселый джаз, вспышки, потом... Потом лицо. Радостное, сияющее, смеющееся! Она выскочила из толпы, крепко

⁹ Amicone (итал. разговорный) – дружище.

¹⁰ Padre (итал.) – отец.

обняла меня и, ко всеобщему восторгу, одарила меня зажигающим все вокруг поцелуем. Я успел взглянуть на часы – была полночь, был мой день рождения. Мне не нужно было вычислять, чья это идея, – это была ее душа.

Старик слушал меня заворуженно, а когда я закончил, сказал с улыбкой:

– Да, пожалуй, стоит съездить в Рим к внуке и покататься на троллейбусе. Но к чему ты это мне рассказал, Андрео?

– К этой фотографии.

– К этой фотографии? – недоуменно переспросил он.

– Да. Через полгода после этой истории я снова ехал в пустом троллейбусе по ночному городу. Только ехал уже в обратном направлении...

У меня были совершенно ясные и глобальные планы. Многие из наших ребят уже на последнем курсе имели денежную работу: кто-то открывал киоски – считать-то нас научили. Кто-то шел работать в первые банки, а некоторые писали программы для крупных иностранных компаний. Я тоже подрабатывал в одной фирме, получая по тем временам весьма неплохие деньги. На факультете меня ценили, а моя дипломная работа должна была стать одним из важнейших событий нынешнего выпуска программистов. Мне даже предлагали остаться на кафедре, поступить в аспирантуру и через пару лет защитить диссертацию. Частенько я вел практические занятия у первокурсников: мне это нравилось, я любил поболтать с ребятами, тем более они прекрасно знали меня по студенческому театру, по нашим аншлаговым спектаклям. В общем, я дышал студенческой жизнью, и почему бы не продолжить ее и после окончания университета? Да вот только мои мысли и душа жаждали большого бизнеса, неминуемого. В те времена все это было ново для нашей страны. Казалось, стоит только сделать первый шаг – и мир сам падет к моим ногам или, по крайней мере, завертится вокруг.

За год у меня появились свои наработки, новые связи и идеи. Оставалось только получить из рук декана диплом и... слава Билла Гейтса останется в далеком прошлом. Ну и, конечно же, свадьба с самой красивой, веселой и умной девушкой на свете!

Я все четко и ясно выстроил в своей ближайшей жизни: защита диплома, выпускной, открытие фирмы, красивая свадьба в лучшем ресторане города, множество нужных и приятных гостей. Она в самом дорогом и красивом платье, я в роскошном костюме! Мы подъезжаем к ЗАГСу на единственном в городе лимузине. Корзины роз, аплодисменты гостей. Лешины музыканты. Брачная ночь в новом отеле для иностранцев. Свадебное путешествие в Прибалтику или Польшу. А потом – мой ежедневный и успешный бизнес. Она, конечно же, занимается нашим домом, и каждый вечер встречает меня романтическим ужином. Потом мы катаемся на моей машине по ночному городу и целуемся на набережной в парке. По выходным у нас собираются друзья, мы устраиваем веселые посиделки до самого утра. На праздники летаем в Париж, Лондон... и так далее, и так далее. Весь мир у наших ног.

Дело оставалось за малым. После выпускного вечера вся наша компания собралась на набережную встречать рассвет, и там, при всех, я задумал сделать своей королеве предложение. Бабушка накануне выпускного подарила мне старинные обручальные кольца, семейная история: в них в начале двадцатого века венчались ее родители. Девичье кольцо очень красивое: тонкое, словно переплетенное золотыми нитями, увенчанное маленьким голубым сапфиром, похожим на осколочек самого неба – как раз под цвет ее глаз! Мое сердце замирало от ожидания этого часа. Я продумывал и придумывал тысячи фраз. Она была достойна самой лучшей, самой красивой. Конечно, я встану на колени, по-рыцарски, как в нашей давней игре. Потом будет ее улыбка, сияющий небом взгляд, счастливое «Да!», объятие, горячий поцелуй и аплодисменты всех присутствующих. Нет, мир более чем прекрасен!

И вот выпускной. Ребята, которые были тогда в троллейбусе на дне рождения, играли свой джаз и на нашем вечере. Главным был Леша, известный в городе саксофонист. Я и

Наташа уже несколько минут танцевали под медленный блюз. Я был немножко пьян то ли от коньяка, то ли от ее духов, то ли от нее самой. Вдруг кто-то окликнул нас. Это был уже не очень трезвый Геннадий с фотоаппаратом. Наташка обернулась и засмеялась. Я тоже улыбался, глядя на нее, она была совершенно счастлива. Вспышка заставила меня очнуться, и я крикнул Алексею:

– Лешка, сделай для меня, а? – он подмигнул и ответил:

– Для тебя, старина!

И его сакс волшебным образом заиграл «Натали», ту самую «Натали» из Генкиного магнитофона в машине. Мы танцевали и молча смотрели друг на друга. Вдруг она крепче обняла мою шею и с улыбкой, глядя прямо в глаза, сказала:

– Рыцарь мой дорогой, мы никогда не говорили о нашем будущем сразу после университета.

Странно, для меня это было всегда так естественно. Глупо, наверное, просто каждый день мы бывали с ней вместе: то на занятиях, то в ее комнате, то у меня дома или просто гуляли по городу, особенно весной и осенью. На лето она уезжала домой, но я приезжал к ней. Мне очень нравилось гостить в ее шумном и теплом доме. Да и вообще, у меня всегда было ощущение ее присутствия. Даже если ее не было рядом, она была рядом. О чем бы я ни думал про себя, я слышал ее ответ, интонацию, видел ее взгляд. Я знал, как она может прикоснуться ко мне, как посмотреть, о чем промолчать... Но тут в голове стали всплывать мои планы покорения мира, где, конечно же, она была королевой, но королем был все-таки я. И вот теперь моя королева задала мне этот вопрос. Я не нашелся, что сразу ответить, и из меня вырвалось:

– Так ведь мы же поженимся... – ее это очень удивило, и она на мгновение замолчала, потом лукаво так улыбнулась и сказала:

– Ты делаешь мне предложение?... – все сразу пошло совсем не так.

Мы остановились. Она смотрела на меня, я на нее. Леша закончил «тему» и заиграл что-то бодрое. Мысли гонялись одна за другой. Вокруг все танцевали, а мы продолжали смотреть друг другу в глаза. Я взял ее за руку и повел на улицу. Все придуманные фразы, нужные и ненужные, пропали разом.

Что-то творилось в ее душе. Я знал это и был уверен, что она долго готовилась к этому вопросу. А тут еще и я ляпнул невпопад. Что же говорить?... Мы вышли на крыльцо. Она зацепилась за что-то высоким каблучком, но я подхватил ее и крепко прижал к себе. Ее сердце сильно стучало, я провел рукой по волосам, пахнущим свежестью и яблоками. Вечер был теплым, стоял запах сирени, стрекотали июньские сверчки, а легкий ветерок обдавал прохладой. Словом, такой вечер может быть только в нашем городе. Мы сели на скамейку неподалеку. Говорить ни о чем не хотелось. Я не выпускал ее руку.

Наташа подняла глаза к небесам. Мне показалось, что своим взглядом она зажгла все звезды этого июньского неба. А я смотрел на нее, и сердце мое колотилось. Она улыбнулась и неожиданно, не поворачивая ко мне головы, спросила:

– Андрюш, а ты бы мог достать мне во-он ту звезду, а?

– Какую? – машинально переспросил я и тоже посмотрел на небо.

– Да во-он ту! – повторила она и показала своим изящным пальчиком на какую-то, ведомую только ей, звезду.

Я смотрел на светлое июньское ночное небо и очень хотел увидеть то же, что видит она, но у меня не получалось.

– Зачем мне какая-то звезда? Вот моя звезда, – сказал я и обнял ее крепче, поцеловав в шею. Но она не обращала на меня внимания.

– Да нет же, Андрюша, я же себе прошу. Так достанешь мне эту звездочку? – спросила она еще раз, но как-то серьезно, и заглянула в мои глаза. Я поцеловал ее уже в щеку и ответил шутя:

– Достану! И ту, что рядом. И ближайšie две тоже. Все для тебя достану! – еще крепче обнял ее и положил свою опьяневшую голову к ней на плечо, мне было очень спокойно.

Она молчала, потом почти шепотом позвала меня:

– Андрюш... – я поднял голову, ее глаза были прямо перед моими, а тихое дыхание наполняло мое сердце радостью.

– Что? – также шепотом спросил я и улыбнулся, мне очень хотелось поцеловать ее в губы.

– Андрюша, ты можешь выслушать и ничегошеньки не говорить? – глаза опять улыбались.

– Да, – ответил я и все-таки поцеловал в губы, она засмеялась.

– Левка, я серьезно! – мы часто называли друг друга по прозвищам от наших фамилий: я – Левкович, а она – Антонова – Тошка-Антошка.

– Я тоже серьезно, Тошка, – и еще раз прикоснулся к теплым губам. Мне словно бы не хватало воздуха без ее дыхания, она почувствовала это и всей своей нежностью отдавала мне тепло и трепет губ. Секунды длились вечность или вечность длилась секунды. Наталья погладила меня по щеке, посмотрела куда-то глубоко в глаза, приложила палец к моим губам и загадочно прошептала:

– Тише. Тише... У нас еще целая вечность... – она провела пальцем по губам, я затаил дыхание и, как загипнотизированный, следил за ее взглядом. Вдруг она засмеялась, потрепала меня по щеке и сказала: – Дурачок, ну я правда хочу с тобой поговорить, – и чмокнула в лоб, как ребенка. Теперь и мне стало смешно.

– Ладно, заслужила. Все, давай говорить. Говорим.

– Нет, говорим я. Ты слушаем. Обещай, что ты не перебиваем.

– Обещаем.

– Хороший мальчик, – сказала она и в награду поцеловала в губы.

Кругом было тихо, только по-прежнему стрекотал сверчок, а неподалеку по дороге проезжали редкие машины и троллейбусы. Я опять взял в руку ее ладошку, ей, верно, стало спокойнее, и она начала:

– Тебе Генка ничего вчера не говорил на вашем мальчишнике?

– Да вроде бы ничего... – я попытался вспомнить, говорили ли мы вчера о чем-нибудь. Этой ночью у нас был свой «выпускной» с ребятами, которые жили в общежитии.

– Ладно, я так и думала. Слушай... – она говорила быстро, взволнованно, глядя куда-то перед собой. Видно было, что она долго готовилась к этому разговору – каждая ее фраза была продумана:

– Примерно два месяца назад я была в гостях у Геннадия дома. Его родители расспрашивали нас об учебе, о планах. Знаешь, для меня все всегда было ясно: место учителя в папиной школе ждет меня уже пять лет. Вероничка – натура творческая, увлекающаяся, так что школа – это не для нее. Впрочем, ты же знаешь, она уже два года параллельно изучает менеджмент на экономическом. Уж что-что, а руководить людьми и считать деньги она умеет и любит. А Генка... – я ее перебил:

– А что Генка? Мы же вместе собирались...

– Левка, ну ты же обещал! – она одернула меня за руку.

– Все. Молчу, – и блаженно вернул голову ей на плечо.

– Да, он что-то упоминал о твоих задумках... В общем, поговорили мы, поговорили, чай попили. И тут Евгений Федорович говорит: «Вот что, ребятки, есть у меня друг, учились вместе. Потом по партийной линии служили. Сейчас он серьезный человек в Ленинграде.

Позвонил он мне после Нового года и сообщил, что есть в его кругах заинтересованность открыть в Ленинграде со временный частный институт высоких технологий. Есть средства, западные инвесторы. И нужны ему молодые кадры. «Я, – говорит, – слышал, сын твой университет заканчивает по этой части. Буду, – говорит, – Федорыч, рад помочь. Может, у вас там еще толковые ребята найдутся?» Мы смотрим на Генкиного папу и не понимаем. А он продолжает: «Итак, молодежь, институт уже открыли. С осени первый набор. Зарплаты высокие, перспективы далекие, командировки заграничные. Так что, Наталья, – это он ко мне обратился, – сообщай побыстрее своему Андрюхе. Получайте дипломы, к августу отыграем ваши свадьбы и... вперед в город Петров! Может, Генка, и ты, наконец, человеком станешь: в аспирантуру поступишь, защитишься. А Афанасич подсобит. Вон, Вероничка, умница наша, второй диплом на днях получает!» Мы опешили! Никто и слова не мог вымолвить. Знаешь, я хоть в тот момент и не поняла всего, но мне вдруг показалось, что внутри каждая петелька, каждое колесико, как в часах, разом встали на свои места. Настолько все это было правильным.

Она замолчала: может быть, хотела услышать что-нибудь от меня, но мне было настолько хорошо в эти мгновения и все настолько же непонятно, что ее слова просто витали вокруг моей головы, не доходя до точки понимания. Подождав немножко, она продолжила:

– Потом Людмила Васильевна принесла пирог, и мы до глубокой ночи выпытывали у Евгения Федоровича подробности. Ты же знаешь, он все всегда узнает до мелочей. Кстати, Левка, ты заранее не дуйся! Генка сразу же тебе позвонил, чтобы ты пришел к нам, но мама сказала, что ты на фирме и будешь поздно. Мы просили передать, чтоб ты приходил в любое время, но ты так и не объявился... – я вспомнил, как мама что-то там передавала, но ехать мне тогда никуда не хотелось. – Мы проболтали в Генкиной комнате всю ночь. Это предложение просто захватило нас! Так интересно, необычно и столько возможностей! Представляешь: Питер, музеи, концерты БГ¹¹, ДДТ, Нау¹²?! А ночные посиделки? Генка говорит, что у него там полно друзей среди питерских рокеров. Да это же «Асса» живьем! Ты и Гена пойдете в аспирантуру. А там ты защитишься даже быстрее, чем здесь, я даже не сомневаюсь. Ты же у меня талантище! – она потрепала меня по волосам. – Вероничка сможет продолжить изучать свой менеджмент и преподавать. Ух, я даже представляю, как студенты ее будут и обожать, и бояться! Ну и я поучу богатеньких детишек что-нибудь посчитать. А еще, знаешь, я там буду рисовать: дома, мосты... Да там все можно рисовать! – она крепко сжала мою ладонь.

Я продолжал слушать, и постепенно смысл ее слов стал приближаться к той самой точке понимания.

– Да! Левка! Там и театр студенческий будет, а руководителя нет. Представляешь? Потянешь столько сразу? Ой, я была так счастлива, когда услышала об этом. Это же все твое! Я уже вижу, как тебя студенты будут любить. И студентки, кстати, тоже! Я даже уже ревную. Тебя ведь невозможно не любить. Ты же у нас звезда! А первокурсницы по тебе прям сохнут. Мы с Вероничкой обхохотались прям, как они тебя обсуждали. Помнишь, ты в октябре нас пригласил на свои занятия? Я и маме твоей рассказала на днях, они с бабушкой так обрадовались...

Точка понимания, наконец, была достигнута. Я поднял голову и посмотрел ей в глаза, они сияли и отчего-то впервые не обрадовали меня.

– Левка, ну как?!

– Отлично!

– Правда?

– Да.

¹¹ Борис Гребенщиков.

¹² Наутилус Помпилиус.

– Ха! Здорово! – она поцеловала меня в щеку. – Знаешь, я так боялась. Целых два месяца готовилась тебе это сказать. Ты ж у меня упрямый ослик какой-то, – она улыбалась, а мое понимание уже прошло точку невозврата. – И...

– Что и? – я немного напрягся внутри, потому что ее глаза вдруг посерьезнели.

– Гордый ты, Андрей, – она всегда говорила, что думала, но тут же снова заулыбалась и добавила: – Ладно, проехали. Скажи лучше, что тебе больше понравилось? – улыбаться уже не хотелось, меня начала задевать ее правдивая непосредственность.

– Как вы все здорово за меня решили, – внутри меня стало расти странное чувство, смешанное с коньяком. Возможно, это было обычное раздражение, но что-то в нем было особое и оно обязательно должно было вырваться наружу.

– Глупенький, ну кто ж за тебя что решил? Это же все твое! Все кругом об этом говорят.

– Кто говорит? – чувство росло.

– Да все!

– Так кто все?

– Да хотя бы декан, препода многие, отец твой опять же! Уж кому-кому, а ему, профессору, как не знать о способностях сына?!

– То есть вы лучше меня знаете, что мне нужно?

– Ты о чем?

Чувство наконец достигло губ.

– Да о том, как вы вообще смеете за меня что-то решать? Антонова, кто просил тебя говорить без меня с родителями? Тем более обсуждать с чужими людьми? – мой голос нарастал вместе с рвущимся из меня чувством.

– Это с кем?

– Да какого хрена ты треплешься с Генкой и его батеи-партийцем о чем ни попадя?

– Левка, ты чего? – она опешила.

Я поднялся со скамейки.

– Какой я тебе Левка?! Какой институт? И вообще, Антонова, какой, нафиг, Питер?! Эти коммуняки старые бабло свое отмывают через всякие институты и прочую фигню! А вас, овец безмозглых, используют! Тоже мне благодетели – Федорыч, Афанасич! – я огляделся по сторонам, нестерпимо захотелось закурить, хоть никогда и не курил, но поблизости никого не было. Она смотрела на меня снизу вверх. – Ты думаешь, что все будет так красиво, как ты описала? Ты думаешь, рокеры-шмокеры будут приходить? А БГ у нас по утрам кофий распивать? Антонова, ты что, дура, что ли? А про Генчика мне вообще смешно! Аспирантура!.. – я засмеялся. – Да он, как только оторвется от бати, так сразу и сопьется! Уж я-то его знаю. Пацифист хренов! Нет, конечно, он будет с рокерами тусоваться, но только будет с ними водку жрать! Слышишь ты, вод-ку! О-ой... – я вдохнул побольше воздуха, – какие же вы дети наивные! – она молчала.

Вдруг кто-то похлопал меня по плечу, я обернулся – позади стояла некая девица с вызывающим макияжем.

– Молодые люди, – обратилась она низким голосом, – у вас не будет закурить?

Я оценил ее с ног до головы и бросил:

– Сами ищем, – она улыбнулась.

– Извините, – ответила она и крикнула стоявшей у дверей ресторана подруге: – Нету, Рит, – и пошла прочь, я глянул ей вслед и повернулся обратно к Наталье. В голове разом промелькнули все полетевшие прахом планы этой ночи. И мне ни с того ни с сего захотелось сказать ей что-нибудь очень обидное, но эта самая обида перехватила горло, и я зло, как только смог, процедил сквозь зубы:

– Так вот, милая. Уж от тебя-то я такого не ожидал. Слышишь, ты... ты... как ты только могла?! – меня начинало трясти.

Наталья смотрела на меня непонимающими глазами. Над нами светил яркий желтый фонарь, и ее лицо казалось каким-то не естественно бледным. Она тихо поднялась, не сводя с меня глаз. Но то самое чувство, смешанное с коньяком, усталостью и обидой, уже не просто текло из меня, оно kloкотало внутри. И я говорил ей все подряд. Все, что вырывалось из меня. Она слушала, даже не моргая, и ни единый звук не сорвался с ее губ. Наконец слова закончились, мне стало гораздо легче, я даже глубоко вздохнул от облегчения. Она по-прежнему не отрывала своего взгляда. Мне стало опять не по себе.

– Ну, что ты молчишь? – уже спокойным голосом спросил я.

Она впервые за эти минуты закрыла глаза, лицо напряглось, и тут на меня выплеснулся жар ее открытых глаз, которыми она оценивала что-то глубоко внутри меня, даже то, что мне было недоступно. Стало жарко и холодно одновременно.

– То есть решать за нас, за меня должен ты? – она смотрела на меня так, будто прочитывала все мои мысли.

– В отличие от вас всех, я способен принимать однозначные решения.

– И что же ты тогда решаешь? – холодно спросила она.

– А что я должен, по-твоему, решать?

– Что-то однозначное.

Я смотрел на нее и не знал, что ответить, ее лицо было непроницаемо.

– Итак? – повторила она.

– Да пошли вы все, – я швырнул на асфальт какую-то скомканную бумажку и отошел в сторону.

С минуту я стоял спиной к ней, засунув руки в карманы, и смотрел на проезжающие по дороге машины. Голова шумела, начало покалывать сердце. Вся ситуация была какая-то идиотская, и нужно было хоть что-то сказать. Я резко повернулся в ее сторону.

Но она стояла все так же, не шевелясь, с осанкой царицы, холодно глядя на меня, ее взгляд остужал и успокаивал. Я не нашелся, что сказать ей именно в этот момент, лишь смотрел на то, как же она все-таки прекрасна в этом воздушном светло-салатовом платье! Даже под бледно-желтым фонарем. И вот сердце перестает колоть и грудь наполняется восхищением лишь от того, что я смотрю на то, как спокойный ветер чуть теребит кончики завитых волос, покоящихся на тонких ключицах; как светлая прядь снова прикрыла один глаз. На все те же золотые сережки-ниточки в ушах под волосами, на узкое ожерелье из мелкого жемчуга вокруг шеи. На открытые плечи, отражающие свет фонаря и полной луны, словно покрытые матовым шелком. На изящные руки, достойные кисти художника. Рисуя совершенный силуэт, они заканчиваются утонченными запястьями в браслетах из того же ярко-белого жемчуга и легко касаются бедер. Она вообще вся неподвижна, только ночной июньский ветер сонно покачивает невесомую ткань платья. Мы смотрим друг на друга. Мне очень хочется, чтобы она заговорила первой, и она говорит:

– Так ты принимаешь однозначное решение?

Я вдруг словно бы очнулся от ее вопроса, и то странное чувство снова стало нарастать во мне. Я зло посмотрел на нее, но она по-прежнему даже не шелохнулась и даже не моргнула. Тогда я тихо ответил:

– Хорошо, приму, – постоял секунду, надеясь, что она скажет еще что-нибудь, но она молчала и смотрела прямо в глаза. – Я приму, – бросил на нее последний взгляд, развернулся и пошел прочь. Быстрее, еще быстрее. Строй желтых фонарей провожал меня к остановке.

Троллейбус подошел скоро, он был пуст. Я стоял у заднего окна. Желтые огни перед остановкой быстро удалялись. Отчего-то вспомнился тот, декабрьский, троллейбус. Жаль только, что теперь не было дождя и капель на стекле. Больно закололо сердце, все свалилось разом: напряжение перед экзаменом, беготня с подготовкой вечера, последний «мальчишник» в общежитии, коньяк и этот дурацкий...

Остановка. Дом рядом. Какое счастье, что мои уехали на дачу. Боль становилась все сильнее, но я достал бутылку водки, налил стакан и залпом выпил. Поплелся в спальню, по пути стянул галс тук-удавку, скинул пиджак и рубашку. Грудь сдавливало, как жгутом. На лбу выступил холодный пот. Я полез в карман брюк, чтобы достать платок, и вдруг из него на пол вывалилась коробочка, а из нее выскочило кольцо. Этот «осколок неба» поблескивал на полу у окна от яркого света луны. Я ухмыльнулся и, совершенно обессиленный, свалился на кровать. Окно было открыто. В соседнем дворе мальчишки под гитару фальшиво пели Цоя. Все еще стрекотал сверчок и дул все тот же легкий ветер, но мне было душно, тело покрывалось холодным липким потом. Я заставил себя закрыть глаза. Голова неприятно шумела. Звуки стали расплываться. Внезапно острая режущая боль разлилась от сердца к лопатке, я громко застонал, повернулся на бок и забылся.

VI. Пространства и Двери

Пустое темное пространство. Не черное, не тьма, оно просто темное. Я иду по нему, как в тоннеле. Не парю, не лечу. В нем невозможно лететь, даже невозможно упасть. Иду. У меня нет направления. Нет знаков. Нет смысла. Нет понимания. И не нужно. В этом пространстве можно только идти. Все равно куда. Все равно где. В нем нельзя стоять, нельзя сидеть, нельзя ничего. И я ид у. Один. Пространство никогда не начиналось, в нем нет продолжений, конца не будет тоже. Я знаю это. Не чувствую, не ощущаю, но знаю. Чувств нет, как нет ощущений, нет мыслей, есть только знание. Единственное знание здесь, что можно только идти. Без звука, голоса, взгляда. Иду. Вдруг появляется звук. Он далекий и бессмысленный. Он наполняет собою пространство. Он становится пространством и одновременно болью. Звук и боль становятся пространством. Они уже больше пространства, и оно разрывается. Разрываюсь и я. Свет...

Длинный, бесконечный звонок телефона. В окне очень светло: утро ли, день или вечер, я не знаю. Дует ветер, мне не душно, но очень болит голова. Я стараюсь не обращать внимания на звонок, а он то прекращается, то через паузу вновь начинает разрывать мою голову. Не знаю, сколько продолжался этот трезвон, но через полчаса начали звонить и в дверь. Потом я услышал, как за дверью громко ругается и зовет меня Геннадий. Думать я не в состоянии, но одна мысль все же появляется: «А кто же тогда звонит по телефону?» Не найдя ответа, я засунул голову под подушку, послав всех звонивших подальше, и уснул.

Я снова открываю глаза, темно. Впрочем, за окном светит полная луна. Тихий ветер раскачивает тюль. Наконец стало прохладно. Боли нет. Есть пустота. Дома по-прежнему никого нет. Я нигде не стал включать свет. Даже в ванной. Душ не спеша возвращает к жизни. Крепкий кофе восстанавливает мысли. Захотелось куда-нибудь пойти, и я пошел. Вначале – из подъезда, потом к проспекту, потом по тротуару к центру города. Видимо, уже поздно: прохожих не видно, в магазинах горит свет, но они безлюдны. Мимо проезжают пустые троллейбусы. Окна домов гаснут одно за другим, превращая дома в безжизненные коробки. Я иду. Наконец где-то слышатся звуки, появляется движение. Перед парком сворачиваю в переулок, там, чуть дальше, лестница, ведущая вниз к набережной. Очень хочется видеть людей. Вдруг кто-то хватается меня за руку и тянет вниз, я делаю шаг и оступаюсь. Нога неловко опускается на ступеньку, больно. Внизу открывается дверь, и оттуда вырываются яркий неоновый свет, ритмичная музыка и густой запах прокуренного помещения. Теперь я вижу того, кто схватил меня, – это Марик Гуревич! Он курит и смеется.

– Ты чего на ногах не держишься, Энди? – он поддержал меня.

– Привет, Марио. Как ты?

– Здоров, мужик! – мы обнялись.

Марик был звездой нашего университетского театра. Мы дружили с первого курса, хоть и конкурировали за звездность. Впрочем, дружба наша ограничивалась репетициями, спектаклями, фестивалями, поездками, но вместе нам бывало весело.

– Курить будешь?

– Ты же знаешь.

– Мало ли. Может, закурил со вчерашнего... «Да, не так велик наш город – быстро же разносятся вести».

– Марио, не надо, – меньше всего мне хотелось припоминать вчерашнее.

– Ладно, дружище, брось. Пойдем-ка, я тебя угощу чем-нибудь и кое с кем познакомлю.

Он подталкивает меня в спину и ведет внутрь новенького городского бара. Он очень стильный: синеватый неоновый свет, немыслимая цветовая абстракция на стенах и потолке, экзотические напитки в меню. А все остальное пространство заполняют собой модельной внешности официантки, возвышающиеся с прозрачными подносами над теснотой и дымом, крепкий парень-бармен без лица и множество «просто моделей» и крепких парней за столиками. И главное – музыка, непрерывная ритмичная музыка или просто непрерывный ритм в виде музыки, поэтому создается ощущение, что маленькое и тесное пространство бара и есть этот самый ритм. По крайней мере, вся атмосфера похожа на взбитые сливки: из дыма, запаха картофеля «фри», постукивания вилок и кофейных чашек о блюдца. Мы протискиваемся к дальнему столику мимо отставленных стульев, потных спин и изможденных официанток. На этом пути нам кто-то улыбается, кто-то даже говорит «привет», но почему-то все выпускают в нашу сторону дым, сбрасывая пепел в пустые чашки. Наконец мы добрались. За столиком сидят две девчонки-блондинки, одетые уж слишком по-летнему. Они тоже курят. Напротив них сидит парень лет двадцати пяти, перед ним стоит маленький графин с водкой. Закуски нет. Марик представил меня своим друзьям. Парня зовут Виктор. Девчонок... не важно, главное, что им весело: Марио как всегда блистает. Я сажусь подальше, в каменную нишу в углу, похожую на маленький грот, и прислоняюсь спиной к холодной стене.

– Сейчас перекусим хорошенько. Вить, че ты там нам заказал?.. А где ваш ликер, зайцы? – с удивлением спросил Марик у «зайцев», они что-то прохихикали в ответ, и он раздраженно крикнул ближайшей официантке:

– Слышь, подруга, я же просил бутылку «Амаретто»!

Та кивнула в ответ, и через полминуты «зайцы» получили то, что им и было обещано. Пока ждали ужин, Марик, как обычно смешно, рассказывал байки о наших похождениях, я молча кивал. Сестренкам (а мне показалось, что они именно сестренки, уж больно они похожи и по цвету волос, и по своим манерам) становилось все веселее. Говорить не хотелось, как, впрочем, и есть. Я заказал двойную порцию кофе. Через полчаса мои друзья покончили с ужином и Марик вывел «зайцев» на воздух.

Я только-только притерся к новому месту и новому пространству вокруг, поэтому остался внутри, Виктор тоже. Мы перебросились парой фраз о модном баре. Потом Виктор заказал еще графинчик, а я еще чашку. Атмосфера бара незаметно захватила меня изнутри: запаха я уже не чувствовал, свет успокаивал или даже гипнотизировал, а ритм потихоньку начинал двигать мое тело.

– Давай выпьем, – предложил Виктор.

– Спасибо, я вчера...

– Что вчера?

– Выпил уже. Вчера.

– Выпускной был?

– Ага.

– У Марика тоже. Мы с ним в одном доме живем. Вот, гуляем со вчерашней ночи.

– У тебя тоже выпускной?

Виктор засмеялся:

– Нет. В отпуск к родителям на недельку заехал. Встретил вчера Марика, ну, он меня и потащил. Вначале на свой выпускной, потом на набережную. Потом еще и еще куда-то. Теперь здесь. Так и таскаемся почти сутки.

– И что, так и не спали?

Он опять громко засмеялся:

– Да я уже и не помню. Может, с кем и спали, – на мой взгляд, глупо пошутил он.

– Ясно... – я даже не знал, о чем говорить. Опять начало покалывать сердце, наверное, от такого количества кофе, и на какое-то мгновение мое сознание вновь поплыло.

- Андрюха!
- Что? – я снова был в ритме бара.
- А ты что думаешь после универа делать? Ты кто, кстати, по специальности?
- Программист.
- Серьезно?
- Ну да, а что?
- Да я тоже программист!
- Ого! – я даже немножко ожил. – А что заканчивал?
- Электротехнический.
- У нас?
- Нет, в столице.
- Ничего себе! – это был самый престижный вуз, где учились на программистов, в стране.
- Да ладно. Так что после универа-то надумал делать?
- Да как тебе сказать, – у меня стал появляться интерес, но я не знал, с чего начать.
- Да как есть.
- Хочу фирму открыть.
- Так, интересно. И?..
- Софты¹³ собираемся писать. Есть хорошие наработки. Я тут в конторе одной почти год проработал: в основном для оборонки писали. Знаешь, отличный опыт. Много связей появилось, да и денег немножко накопил – на первое время должно хватить.
- Команда есть?
- Есть толковые ребята.
- Студенты?
- В основном. Вместе учились. Правда, и доцент один обещал присоединиться. В общем, народ набирается. Завтра собираемся идти оформляться.
- Ну что ж, молодца! Но знаешь, Андрюха, чего тебе скажу?
- Чего?
- Я тоже начинал с этого. Три года назад закончил свой институт, собрал ребят. С пол-года мы писали разные бухгалтерские программки, базы для заводов. В банки кое-что... И для твоей оборонки, кстати, тоже. На сигареты, в общем, хватало. Через год собрались расширяться, и нужно было купить еще всего три компьютера... – я внимательно слушал его, он улыбнулся, – не ахти каких компьютера, но заплатили мы за них... наш месячный доход! Короче, долго мы не думали. В тот же день перепродали и новые компьютеры, и все те, что у нас были. Даже тот, в котором была бухгалтерия. На следующий день на эти деньги купили еще несколько компов, пару принтеров и... – он налил еще рюмку.
- И что?
- ...и пошло, и даже поехало. Видел «Мерс» у входа?
- Серебристый?
- Ага. Вот на нем я и приехал.
- Мои мысли цеплялись одна за другую. Внутри что-то просыпалось и оживало. От боли не осталось и следа. Я снова жил. Ритм бара становился и моим ритмом.
- Вить, капни пару капель.
- Ну вот, наконец-то! – он налил мне рюмку. – Давай-ка, Андрюха, выпьем за твой успех. Я вижу, ты парень понятливый и умный, все у тебя получится. Давай, – мы чокнулись и вы пили. – Вот тебе моя визитка. Будут вопросы, звони. Чем-нибудь помогу.

¹³ Программы.

– Спасибо тебе, – на визитке было название фирмы, имя владельца и забавный логотип: маленький компьютер с веселым смайликом на экране.

Тут в баре громко хлопнула дверь, мы обернулись: к нам с громким смехом пробирались Марио и его подружки.

– Парни, мы кое-что придумали, – загадочно заявил он.

– Мы идем на набережную! – хором сообщили «близняшки».

Марик сел за стол, налил рюмочку и восторженно заявил:

– Парни! Там така-ая погода! Та-акие танцы внизу! И такие пиплы туда подтягиваются! – он выпил свою рюмку. – Короче, сворачиваемся и двигаем.

Виктор обратился ко мне:

– Пойдем, Андрей, подышим у реки.

Мы вышли из бара. Показалось, что мы шагнули в открытый космос, но только с кислородом. Я вдохнул полной грудью. Было свежо. Снизу, со стороны набережной, слышались модная музыка и веселые голоса. Одна из девчонок подхватила меня под руку.

– Пойдем, Энди, с нами! Потанцуем. Марио сказал, что ты классно танцуешь? – Марик подмигивал мне в три глаза.

– Куда мне до Марио, зайка...

– Ну, Энди... – «зайка» тянула меня за руку.

«Зайцев» мне только сейчас не хватало», – подумал я про себя. Мне очень хотелось побыстрее поделиться своей новой идеей с кем-нибудь из наших ребят. Так что я отцепил от своей руки Марикову красотку и ответил:

– Простите, мадмуазель, я вчера оттанцевал себе все ноги.

Блондиночка надула губы, а Марик спросил:

– Так ты что, не идешь?

– Извини, Марик, пойду по городу пройдуся.

– Ну и дурак.

– Ты прав, – обнял я его.

Виктор пожал мне руку и сказал:

– Звони, Андрей. И удачи тебе.

– Спасибо!

Я помахал им рукой, и компания с хохотом от очередной Мариковой шутки двинулась по крутым ступенькам вниз, на набережную, к огням, музыке и шуму. А я, еще раз вдохнув чистейшего воздуха, посмотрел на бесконечное звездное пространство над собой и отправился домой к Семенычу.

Шел я быстро, дворами, через калитки и двери проходных подъездов, коих в том старом районе города было множество. Один раз зацепился за торчащий гвоздь и чуть не распорол ногу – порвал джинсы. Но мне хотелось побыстрее добраться до Семеныча и рассказать о том, как же все просто в этом мире! Собрал за час «левый» компьютер и быстренько сбыв его какому-нибудь «чайнику»! И зачем месяцами мучиться и отлаживать никому не нужные софты? В самом деле, мир удивительно прост и уже почти прекрасен!

Еще одна скрипучая калитка, сто метров через двор и вот – подъезд Семеныча. Пятый этаж и... дверь моего недавнего старосты. Звоню. Он наверняка сейчас один. Жена с малышкой должны быть в деревне у матери. За дверью – тишина. Через полминуты звоню опять. Еще через минуту слышу оправданный мат, которым владел только Семеныч. Петр резко открыл дверь. Сто против одного, что меня он ожидал увидеть меньше всего! Я толкнул его в грудь и прошел в квартиру. Только бросил по пути на кухню:

– Я ставлю кофе.

Он ничего не ответил и побрел в спальню надевать шорты. Минут двадцать мы молча пили кофе. Потом он, не поворачивая ко мне головы, сказал:

– Если бы я к тебе дозвонился утром, то убил бы через телефон.

Я так же спокойно ответил:

– Значит, это был ты...

– Я.

Семеныч был старше нас на два года, после армии, и, наверное, гораздо мудрее. Уж опытей – это точно. Он помолчал с минуту и добавил:

– Дурак ты, Андрюха, и осел!

– Ты прав, Семеныч...

– Ты даже ничего не знаешь.

– А что я должен знать?

Его глаза как-то недобро блеснули, кулаки сжались, рука на столе напряглась, но он всегда умел держать себя в руках, поэтому рассказывал все ровно, без эмоций:

– Вас не было целый час. Генка и Вероника спустились к вам, чтобы позвать. Мы ведь собирались поехать после ресторана на набережную. Но когда они вышли, увидели, что Наташка лежит на асфальте, а рядом какие-то две шлюхи пытаются ее поднять. Она без сознания. Вероника прибежала в зал и кричит. Мы все вывалили на улицу. Кто-то вызвал «скорую». Расспросили этих шлюх, что произошло и где ты. Они рассказали, что видели... – он замолчал, и его рука опять напряглась. – В общем, они сказали, что, как только ты ушел, она постояла, пока ты не зашел в троллейбус, и рухнула, как подкошенная. Неотложка приехала быстро: у нее сердечный приступ и что-то там еще, я не понял что... Короче, ее откачали, но в больницу не взяли. Генка повез их с Вероникой к себе домой. Говорит, что всю ночь ее колотило в истерике. А Вероника слышала, как та все повторяла: «Если потеряю, умру»...

– Кого?

– Тебя дурака! Кого ж еще?

– В общем, все утро пытались к тебе дозвониться. А потом Генка сам поехал. Чего не открыл-то?

– Хреново мне было, Петруха! Ой, хреново!

– Хреново ему было... Приехал бы я – убил бы гада!

Мы выпили еще по чашке кофе. Потом Семеныч спросил:

– Ладно, чего пришел-то?

И я рассказал ему свою последнюю идею. Семеныч послушал, подумал немного и ответил:

– Будем работать. Утром едем оформляться. Надо только к Катке зайти. Толковая девчонка. Ты должен помнить ее: Светкиной свидетельницей была на свадьбе.

– А... помню!

– Вот! Она ж с нами в параллели училась, экономический закончила. Будет бухгалтером.

– Ну и здорово.

– Здорово. А теперь – спать. Еще можно часика три-четыре передумать, – на часах было четыре утра, начинало светать. – Я тебе на диване постелю.

– Спасибо... Семеныч, слышь? – он уже выходил.

– Чего?

– А где они сейчас?

– Она?

– Она...

– У Генки на даче. Завтра домой едет. А потом в Калининград летят с Вероникой, там тетка Наташкина живет, – а я и не знал этого, теперь понятно, откуда эти янтарные кулончики. – Ну, а в августе они – в Питер, ты же знаешь.

– Знаю... Ясно...

– Слушай, Андрюха... – он почесал затылок, – не будь дураком, а? Махнем утром к Генке на дачу, цветов в поле нарвем. Ты же знаешь, какие там поляны. Ну, что ты? Попросишь прощения, а мы поможем! Я со Светкой сколько раз цеплялся. Цветы подаришь – и все... Это ж бабы – дело такое... – я задумался.

– Нет, Семеныч, утром у нас дела. Вот завтра... а может... даже лучше и послезавтра – в Киряевск! Там и рыбалка! Знаешь, сделал дело...

– Боишься, да? – он тоже всегда говорил, что думал, а я промолчал. – Ладно, пойдем, покемарим еще.

Но я не мог уснуть. Смотрел на штору, через которую начинало просачиваться раннее июньское солнце, и прокручивал в уже вполне ясной голове все, что произошло за последние сутки. Я даже представить себе не мог, что все вот так просто закончится. Или не просто... Или еще не закончилось? «И чего вдруг она потеряла сознание? Ну поругались, но ведь такое бывает, даже в семьях бывает», – но я вспомнил ее глаза, спокойные, даже гордые, и какие-то другие, которых я никогда еще не видел, и ничего не мог понять.

Семеныч, конечно же, прав: я боюсь. Боюсь, что она возьмет да швырнет в меня букет и скажет что-нибудь обидное. Что Вероничка будет изливать на меня свои эмоции. И как посмотрят Генкины родители. И я решил про себя: пусть пройдет немного времени, пусть все уляжется и все успокоится. Они уедут в Питер, а мы тем временем быстренько поднимемся с бизнесом. И я приеду к ней на своей машине, обязательно в дорогом костюме и куплю ей не полевой букет, а большую корзину крупных роз. И, конечно, заберу ее из этого Питера, и все будет так, как и должно было быть с самого начала. Стало спокойней – да, все верно!

В комнате скрипнула дверь и вошла Петькина кошка. Она посмотрела на меня своими зелеными глазищами, мяукнула, презрительно вильнула хвостом и уселась на свое любимое место в кресле, нисколько не обращая на меня внимания. Я улыбнулся и все-таки задремал.

Ровно в восемь Семеныч растолкал меня. Мы быстренько позавтракали Петровой фирменной яичницей с помидорами и сосисками и после завтрака отправились к Кате. Она жила в соседнем подъезде. Катерина быстро впечатала поправки в Устав, и мы буквально понеслись на дребезжащем такси по всем нужным конторам.

В мэрии работала мама Геннадия, и все двери в красном здании бывшего горкома открывались нам без натуги и с охотой. За этими дверями сидели улыбчивые секретарши и доброжелательные чиновники. К вечеру, когда за нами закрылась последняя входная дверь, дело было сделано. Оставалось подождать всего недельку, чтобы забрать новенький цветной бланк о регистрации Компьютерной торговой палаты ООО «Бест Компьютерс»¹⁴. Я предложил пойти в ресторан и отметить это дело, но Семеныч сказал, что на пару дней едет к своим в деревню. Катя улыбнулась и тоже отказалась, но попросила проводить: было уже довольно поздно.

Мы поговорили по дороге, с ней было легко и как-то спокойно беседовать. Она рассказала, что всегда мечтала работать в компьютерной фирме, а тут такая удача – позвонил Семеныч. На ее улице мы распрощались, и я поехал домой.

Уже почти сутки, как я вышел из квартиры. Жутко хотелось спать. Я валился с ног. Пока ехал к дому, в голове уже прокручивал все варианты предстоящей работы. Фирма, конечно,

¹⁴ Лучшие компьютеры («Best Computers» – англ.).

хорошо, но где брать деньги, где искать заказчиков?! Уж слишком все было наивно и просто. И тут у меня мелькнула мысль: «Миха!».

Ну конечно же, мой сосед Миха! Друг детства моего брата. Нынче он крупный городской бизнесмен, владелец сети магазинов, хозяин рынка, а по совместительству (говорят)... «крестный отец» города. Ну говорят и говорят. Что-то такое, конечно, есть: мой сосед отсидел семь лет на зоне. А вообще, странная штука жизнь: два друга – два ровесника. Только один стал известным провинциальным «мафиози», а другой – известным столичным хирургом. Судьба, одним словом.

В общем, я не стал ждать утра и выскочил в открывшиеся двери троллейбуса, чтобы забежать в ресторан, где Миха бывал почти каждый вечер и ночь. Он старше меня на семь лет и совсем не похож на привычного киношного мафиози. Невысокого роста, худощав и не широк в плечах. Разумен и рассудителен, я бы сказал, мудр, и на все у него находятся свои присказки.

Двери ночного ресторана открылись передо мной так же легко: на входе стоял мой бывший одноклассник. Мы поздоровались, и он сказал, что Миха здесь, в своей кабинке. Я поднялся на второй этаж, прошел через прокуренный зал, в котором громко пели, по-моему, все: музыканты, посетители и официантки...

У Михиной кабинки в дверях стоял охранник, но и он пропустил меня. Миха увидел своего «соседушку», широко улыбнулся, поднялся поприветствовать и крепко обнял. Меня, конечно, никак не ожидал увидеть, но был явно рад моему появлению. Здесь же был еще один мужчина. Вид у него был крайне представительный: в дорогом костюме, в очках с золоченой оправой и с импортным черным кейсом, который он не выпускал из рук. Миха представил меня своему гостю:

– Знакомьтесь! Андрей – брат моего друга. Можно сказать, я его еще на руках нянчил! – я не был уверен, что вовремя, по этому спросил:

– Миша, может, я выйду?

– Оставь, сосед, мы уже закончили.

Представительный мужчина встал, пожал мне руку, внимательно посмотрел прямо в лицо, на Миху, распрощался и быстро вышел.

– Очень, очень серьезный человек. Серьезный бизнес, малый, – так он называл меня с самого детства, – серьезные люди. Столичные люди! – как-то уважительно сказал он о госте.

А я машинально выпалил:

– Партнер? – Миха громко рассмеялся и ответил:

– Ага, сосед, партнер!

Он усадил меня за стол и спросил:

– Есть-то хочешь?

По правде говоря, есть хотелось очень, но от еды я отказался, потому как не терпелось все побыстрее рассказать. Только попросил чашку крепкого кофе, чтобы не уснуть окончательно. Пока несли кофе, он, глядя мне в лицо, тихо сказал:

– Знаю, малый, про то, что вчера было у «Центрального», – настроение мое моментально улетучилось. Миха никогда не начинал разговора просто так. – Дурак ты, Андрейка, ладная она девонька. Хочешь, помогу все исправить? – очень уж не хотелось, чтобы мою душу снова ковыряли и, зная Михину искренность и желание помочь, ответил:

– Оставь, Миха, ерунда! Сам справлюсь. Все уже почти нормально, – он поверил мне и, улыбнувшись, добавил:

– Вот и отлично! Но, сосед, ты уж позови меня на свадьбу. Поверь, не обижу!

– Да, Миха, конечно! Ты прости меня, что зашел к тебе без приглашения, мог встретить и во дворе, но я к тебе по делу.

Он очень внимательно слушал меня, даже не притрагиваясь к своему кофе.

А в конце своего рассказа я выпалил глупейшую фразу:

– Миха, мне нужна крыша! – тот внимательно смотрел на меня, как будто изучал изнутри.

– Крыша, говоришь? – вдруг переспросил он и расхохотался в голос.

Насмеявшись всласть, он налил стакан водки, выпил залпом и уже серьезно продолжил:

– Послушай, малый, живи и спи спокойно. Никто тебя не тронет: ни братки, ни менты, ни пожарные, ни даже бабки на лавочке. Вот только с налоговой сам разбирайся и сильно не наг лей, тогда все будет в порядке. А я тебе помогу. Как же не уважить соседа? – он обнял меня за плечи. – Да и родителей твоих я ценю, и брата! Как там Саня, кстати?

– Да отлично у него все. Дочка вот родилась.

– Ну, привет ему передавай!

– Конечно!

– В общем, ступай, малый, отдыхай. Завтра поговорим еще во дворе. А как бумагу получите, так и сообразим чего, – и он подмигнул мне. – А тема-то, кстати, новая, интересная. Вот и с партнером как раз кой о чем об этом и говорили. Так что будем думать.

Я встал и пошел к выходу. Он проводил меня, а в дверях похлопал по плечу, улыбнулся и со смехом сказал:

– На свадьбу позови, дурачок! И с девонькой своей побыстрей разберись, а то братков подошлю! – хлопнул меня ладонью по спине и добавил: – Крыша! Надо ж, крыша ему нужна. Спать иди, студент!

В дверях меня встречала отчего-то растерянная бабушка. Я ничего не хотел сейчас объяснять. Поцеловал ее в щеку и бросил по дороге в спальню: «Бабуль, все потом. Спать хочу, умираю!» Она ничего не ответила и тихо закрыла за мной дверь.

VII. Закладка

– Да-а, Андрео, – синьор Франческо недовольно покачал головой, внимательно глядя на меня, – должен тебе сказать, что ты и впрямь осел, прав твой друг. Гордый, упрямый и глупый осел! – он тяжело приподнялся из-за стола, развел руками и возмущенно на все кафе повторил: – Нет, посмотрите на него. Он оскорбил и бросил такую красавицу, мама мия!

Старик с минуту громко негодовал на каком-то неведомом мне диалекте, воздевал руки к небу-потолку, требовал от меня объяснений. Немногие для этого времени завсегдатаи кафе и помощники дона Франческо живо и страстно включились в пламенное осуждение моей персоны, даже не понимая, о чем идет речь. Но я улыбался, потому как прекрасно знал, что нахожусь, кроме всего прочего, в великом театре, где главная роль всегда закреплена за великим актером и, пожалуй, великим человеком. Действо пьесы только начинало разворачиваться, как из-за стойки бара раздался строгий, чуть с хрипотцой, голос старшей из дочерей и управляющей – Клаудии:

– Да хватит же вам! Что раскричались? Папа, и ты тоже хорош! Зачем перебил Андрео? – она поприветствовала меня, подойдя к нашему столику, и присела рядом. – Чао!

– Чао, Клаудиа.

– Ты не против, если я тоже послушаю тебя? Нечаянно подслушала твой рассказ.

– Что ты, Клаудиа, ты только украсишь нашу компанию.

Старик все еще продолжал возмущаться, бурча что-то про себя, в зале тоже не унимались.

– Ну же, парень, не слушай этих сумасшедших! Что они смыслят в жизни и любви? Продолжай, – последний вопрос она гневно и громко бросила ко всем присутствующим. В зале тут же стало тихо, такое впечатление, что просто кто-то выключил звук, как в телевизоре. Даже отец повиновался своей старшей дочери и вполне ласково и даже чуть виновато добавил:

– Продолжай, Андрео. Что-то я немного разгорячился. Все-таки у Пьетро крепкое вино, – и он подлил мне еще треть стаканчика.

Все разрешилось. Все улеглось, как могло улечься. И все осуществилось. Миха исполнил свои обещания. Мы работали спокойно, азартно, с желанием. Никто не мешал нам. А еще он помог снять офис в центре города, ссудил некоторую сумму под первый заказ. Впрочем, и с заказами он тоже помогал.

Остальное было делом техники во всех смыслах: за товаром мы с Семенычем мотались каждые выходные в Москву на компьютерный рынок. Первое время ездили на поезде, в общем вагоне, а через пару месяцев пересели в купе. Ну а к концу года у нас уже был свой микроавтобус. С налоговой тоже никаких проблем. Катюша всегда была на высоте: ни одной недостающей запятой в документах. И офис, прямо скажем, шикарный: у меня, у Семеныча, у Кати – собственные кабинеты. Я все-таки купил машину – восьмилетний «Гольф» – и даже золоченую ручку.

Многие в городе и области покупали технику именно у нас. А однажды мы утерли нос какой-то столичной фирме, перехватив выгодный заказ у прибалтов. Часто к нам приходили и «от Михи»: кто-то покупал сразу большую партию, а кто-то сам подгонял к нам грузовичок с коробками и тоже «от Михи». Я никогда не переспрашивал у него, что к чему. Главное, что все у нас получалось и получалось хорошо. Да и в Москву мы стали ездить исключительно на переговоры с партнерами. А я всегда любил там бывать. Но теперь это был не светлый город из моего детства, а яркий, переливающийся огнями, витринами, дорогими машинами, завораживающий мегаполис!

После выпуска прошел год. Я собирался взять отпуск и поехать порыбачить. А то все запланированные дела постоянно откладывались на «потом». Нет, конечно, я помнил о своем «плане», помнил каждый день, но... хотелось достигнуть еще чего-нибудь и еще чуть-чуть...

Пока же мне предстояла последняя перед отпуском поездка в Москву. Нас ждал большой заказ, и партнеры поторапливали. Приехал под вечер. Июль выдался жарким и душным. В номере спасал мощный кондиционер. Я сбросил с себя все дорожные вещи, достал из сумки томик Бродского, который мне подарил папа лет пять назад. Невесть от куда он взялся в те времена! Кровать широкая, удобная, я развалился на ней и открыл слегка потрепанный томик. Вдруг из него на пол выпала закладка.

Я не стал поднимать ее сразу, я знал, что это за закладка, и мне стало страшно. Мысль пробежала за мыслью, картинка за картинкой, ощущение за ощущением...

Девяносто второй год, опять зима, опять каникулы и опять у Геннадия день рождения – юбилей. Правда, в этот раз он вдруг решил отказаться от шумных компаний и ночных посиделок на даче. Может быть, просто его родителям наскучило приводить ее каждый раз в порядок. В общем, отец Геннадия подарил ему путевку на четверых в санаторий, где обычно отдыхали «отцы города» и их отпрыски. Но мы и не горевали. Генка, Вероника, я и Наталья в предвкушении трех сказочных дней вместе спустя час веселого путешествия от железнодорожной станции по зимнему лесу выбрались на высокий пригорок, где перед нами расprostерлась, прямо скажем, сказочная долина со множеством теремков в окружении заснеженного соснового леса. А в центре этой долины возвышался двухэтажный, растянувшийся на сотню метров терем, в котором царил, как нам поведал Геннадий, пиршество изысканных блюд и разносолов известных европейских кухонь. Вечерами же он преображался в невиданный доселе танцзал: такой техники и таких диджеев мы бы не увидели и не услышали в те годы ни на одной дискотеке города! Но все это было чуть позже. А пока сияет зимнее солнце, падает едва заметный серебристый снежок, и мы, подтолкнув наших снежных королей, большой и веселой компанией вместе с четырьмя огромными баулами покатались по горке вниз.

Нас уже ждала небольшая отдельная избушка-теремок с двумя двухместными комнатами. Быстренько устроившись и разложив вещи, мы отправились на обед. В те времена вряд ли меня можно было назвать гурманом. Еда делилась на три категории: невкусная, вкусная и очень вкусная. Вот в этом большом тереме она была все же очень вкусная: шашлыки прямо с углей, вина, в названиях которых я путался, и пирожные на десерт, тающие прямо на языке, – все это часть той сказки, которая была совсем рядом от нашего маленького города, но которая была доступна лишь для очень-очень избранных. Нам, друзьям юбиляра, повезло. Но не в этой сказке суть. Пообедав всласть, Геннадий потащил нас на лыжную базу. Мы взяли новенькие лыжи и встали на лыжню. Девчонкам, выросшим почти на природе, этот спорт был гораздо ближе, чем нам. Впрочем, мой друг тоже был не плох на лыжне. Через сотню метров они совсем оторвались от меня и почти скрылись за елками. Я старался, но у меня не очень-то получалось. Вдруг сзади кто-то ткнул меня палкой в бок и засмеялся. Я резко повернулся, но она успела опередить меня и крепко-крепко обняла.

– Ну что, рыцарь мой, с природой у нас трудности, да? – и она прикоснулась ко мне своей холодной щекой. От этого по телу разлилось тепло и спокойствие. Я поцеловал ее в лоб и тихо сказал:

– Так научи меня.

– А давай! – и она начала меня учить.

Скоро у меня стало получаться, и оказалось, что мы отъехали довольно далеко. Избушки скрылись за елями, а за избушками скрылись и звуки. Я уже совсем освоился

на лыжах и был способен разговаривать на ходу. Тошка рассказывала о своем детстве, о бабушке в деревне, о лыжах, о санках и горках...

Тут мы выбрались с ней на широкую поляну или поле, точнее, на пригорок перед ним. Вдали виднелась деревушка. Из труб высоко в морозное небо вырывался бело-оранжевый дым – это заходящее солнце окрашивало его своими красноватыми лучами. Вокруг было тихо и громко одновременно: такой поющей была тишина.

Солнце быстро заходило за красные крыши и лес. И нам захотелось догнать его, не отпустить и уговорить еще немножко побыть с нами. Разом оттолкнувшись, мы с хохотом помчались с пригорка. Старались бежать быстро, чтобы не упустить наше солнце, и оно, словно играя с нами, то замедляло свой бег, то опять убегало меж редких деревьев. Вот-вот – и мы обязательно догоним его!

Но вдруг откуда-то из-за елей послышался звон. Мы остановились. Звон повторился, мы свернули в его сторону. Проскочили сквозь маленькую рощицу, и в глаза нам ударил яркий синий свет. Мы как будто на миг ослепли, но, зажмурившись, увидели синий куполок церквушки, а на нем позолоченный крестик. Церквушка стояла в лесах. Наверное, ее только строили или восстанавливали. Вокруг не было ни души. Куполок снова подмигнул своим ярким бирюзовым светом: солнечный луч передал нам привет от светила, которое так и не удалось догнать. Мы приняли приглашение купола с позолоченным крестиком и, сняв с ног лыжи, вошли внутрь строящейся церквушки.

Внутри тоже никого не оказалось. И тишина, как и там, на пригорке, не была молчаливой. Впрочем, и здесь она не пела, скорее, что-то напевала: тихое, задумчивое, но спокойное и радостное. Мы прошли вглубь. Теперь, кроме тишины, с нами заговорили и немного приторный, но тепло обволакивающий запах, и странные лица с икон, смотрящие на нас без улыбки, но приветливо и дружелюбно. Эти лица проводили нас до центра церквушки, где стоял стол с зажженными свечами.

Мы не знали, как вести себя здесь, но что-то внутри мягко подсказывало нам каждый шаг, каждый внутренний порыв. На столе лежали незажженные свечи. Мы взяли две и, произнеся внутри незнакомые слова, о смысле которых можно было только догадываться, под тихую музыку всего этого пространства зажгли свои свечи и поставили их к остальным. И в этот миг мы почувствовали себя этими свечами, горящими среди множества других, стоящих в своих крепких основаниях. Наталья посмотрела на меня и, увидев мое согласие, кивнула в ответ. Теперь мы светились и на этом столе, и свет этот теперь горел внутри нас.

Над столом было маленькое арочное окошко с рамой в виде креста. В него заглянуло выигравшее у нас солнце. Мы заметили его, но оно не смеялось над нами, оно просто улыбалось нам, умалчивая о своем мудром замысле. Мы улыбнулись в ответ, и оно в последний раз за день блеснуло своим лучом, отпечатав на нас тень рамки окна.

Может быть, это был сон или что-то еще, не знаю, но мне показало, что вокруг и внутри все изменилось, словно и не было всего прежнего. Не было и нас самих. Точнее, мы стали сейчас и теперь, и стали как будто чем-то одним. Это невозможно объяснить и невозможно понять. А еще в тот миг мне показалось, что вокруг все окружающее словно бы растворилось. По крайней мере, я даже не заметил, как мы вышли из церкви и снова оказались в лесу, а скоро и в санатории.

Голодные и отчего-то не в меру радостные, мы завалились в зал, где нас уже ждали Геннадий и Вероника. Они долго расспрашивали, где же мы пропадали, но мы, загадочно улыбаясь, отвечали, что, дескать, слишком увлеклись погоней. Генка посмеивался, а Вероника возмущалась, что не предупредили. Но мы торжественно молчали, внутри нас была тайна, о которой знать должны были только она и я.

Весь вечер мы повеселились на дискотеке! В самом деле, Геннадий не соврал. Такой музыки, таких диджеев мы не видывали ни на одной дискотеке города!

Уставшие, но счастливые, мы наконец вернулись в избушку. Тошка расстелила наше королевское ложе, мы по очереди приняли теплый душ и... без сил уснули. Мне снилось большое окно, оно было приоткрыто, и прозрачная белая занавесь плавно покачивалась на ветру. Он не был холодным, но за окном падал снег, большими хлопьями. Небо было затянуто облаками, и где-то вдали я видел лес, горку, синий куполок, который отражал ярким светом лучи из бирюзового кусочка неба. А рядом кто-то спокойно дышал...

Утром нас разбудил стук в дверь. Мы почти проспали священную Генкину трапезу! После завтрака мы снова отправились кататься на лыжах. Опять светило яркое солнце. Оно как-то по-особому светило нам. Мы попытались отыскать нашу вчерашнюю дорогу и ту церквушку среди рощицы, но, покружив по местности часа два, ничего не нашли и вернулись к дому.

Сегодня, наконец, день рождения Геннадия. Он встретил своих старых знакомых, и мы вместе весело отпраздновали его юбилей на природе: с мясом, зажаренным на костре, изысканным вином и прочими местными чудесами. Там же, с заходом солнца, устроили и дискотеку. Но танцевать не хотелось, начинал падать легкий снежок, и мы с Натальей побрели в наше уютное жилище.

Теремок-избушка был тепло протоплен, мы разделись и нагрели чаю. Долго пили, вспоминали вчерашний день. Потом я предложил ей:

– А хочешь, я почитаю тебе Бродского?

– А откуда он у тебя?! – удивилась она.

– Папа подарил.

– Вот здорово! Отец тоже как-то приносил домой «самиздат», я за ночь прочитала листов сто, мне так понравилось! – и она поудобнее уселась на кровати.

Я скинул с себя свитер, выключил большой свет – на тумбах горели ночники – и достал томик Бродского, который захватил с собой.

Первое, что мне открылось:

На Прачечном мосту, где мы с тобой
уподоблялись стрелкам циферблата,
обнявшись в двенадцать перед тем,
как не на сутки, а навек расстаться...

– А где это, Андрюша?... – перебила она меня.

– По-моему, во Флоренции... – почему-то предположил я, – у него много про Флоренцию.

– Так красиво... – мечтательно произнесла она и обхватила руками колени.

А я смотрел на нее: слабый свет ночника обрисовывал в профиль контуры ее лица, подсвечивая красивые волосы, лицо словно светилось изнутри. Она тоже обратила свой взгляд на меня, улыбнулась, и я увидел ее глаза, ясные, небесно-бирюзовые, и в них тоже был свет. Я потянулся к нему и поцеловал ее. Она поцеловала в ответ. И тут мы как будто бы начали пить друг друга, как источник, который дает жизнь другому и без которого невозможно прожить ни мгновения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.